

# Лунь

**Автор:**

Марьяна Куприянова

Лунь

Марьяна Куприянова

Оказалось, что у двух посторонних людей – одинаковая мечта. Эта мечта связала их так прочно и бескомпромиссно, что судьбы их близких начали разрушаться. Она любит его как мужчину и преклоняется перед его талантом, а он видит в ней способного ребенка и заботится как о дочери. Попытка нарушить такой порядок вещей оборачивается катастрофой для всех. Роман-взросление, в центре которого – взаимоотношения между людьми, продиктованные несправедливостью жизни. Содержит нецензурную брань.

Марьяна Куприянова

Лунь

Лунь

You`ve touched my mind with lightful hand

When I was right about mad

So all my life until the end

I will remember you.

## Глава 1. Избиение и разбирательства

«Мы всегда учитываем в человеке все: социальные и экономические условия, полученное воспитание и влияние среды, наследственность и слабость желудка... Все, все у нас учтено в человеке, кроме... кроме самого человека!»

Н. Нароков «Могу!»

«Надо сказать, вера в женскую слабость всегда была серьезным заблуждением».

М. Елизаров «Библиотекарь»

Владимир Александрович был недоволен. Он расхаживал по своему небольшому, плотно заставленному мебелью кабинету из угла в угол, заложив руки за спину, и каждый его новый шаг выражал нарастающее раздражение.

Преодолев несколько метров, он по-военному разворачивался и шел в обратную сторону, пока вновь не наткнулся на стену, и каждый раз удивлялся, что идти ему дальше некуда, словно бы, делая эти свои несколько шагов, успевал забыть о размерах помещения. Владимир Александрович покусывал губы и напряженно смотрел перед собой, забыв о том, что в кабинете он не один.

На маленьком стуле у рабочего стола сгорбилась худенькая девушка. Ее блестящие прямые волосы рассыпались по опущенным в бессилии плечам. Упираясь руками в колени, она тоже покусывала губы, наблюдая за Владимиром Александровичем. Взгляд ее рябил настороженностью – не хотелось того, что произойдет в ближайшие минуты, но это было неизбежно. На усталом лице проступали то испуг, то печаль, то остатки бывшего гнева, который, впрочем, уже почти иссяк.

Девушка знала: сейчас Владимир Александрович скажет или предпримет нечто неприятное, поэтому неотрывно следила за его эмоциями, чтобы уловить тот момент, когда его мысли перетекут в действия. Нельзя допустить, чтобы это мгновение наступило неожиданно, иначе кольнет где-то в ребрах. Девушка старалась подготовить себя к последствиям необдуманного поступка. Она знала, что этих последствий не избежать.

Из окна в кабинет проникали обманчиво теплые лучи редкого февральского солнца. Узкие потоки света пронизывали помещение, и мириады пылинок отражали этот свет, покачиваясь в воздухе. Девушка решилась отвести взгляд от нахмуренных бровей Владимира Александровича и мельком глянуть за стекло.

Галки темными пятнами громоздились на голых черных ветвях, иногда расправляя крылья; серые однотипные здания с уродливыми глазницами тянулись друг за другом, вырастая из покрытой грязным снегом земли. Уныло, мрачно и гадко – точь-в-точь как на душе. Но вот – солнце слегка выглянуло из-за низких свинцовых туч, аккуратно взрезало их непроницаемые металлические подушки. Солнце – это хорошо. Солнце – это значит, можно жить.

Девушка вспомнила что-то и потрогала лоб: пальцы испачкались в свернувшейся крови, затем нащупала языком опухшую губу и поморщилась. «Ну, когда же, когда?» – подумалось нетерпеливо. Словно услышав ее мысли, Владимир Александрович замер, уставился на свой любимый фикус, будто впервые видел его, и обернулся. Девушка выпрямилась и открыто встретила прищуренный взгляд, который не то жалел ее, не то обвинял.

– Нет, это просто какой-то ужас, – пока еще спокойно заговорил Владимир Александрович и принялся жестикулировать. – Ужас, уму непостижимый, вот. За двадцать лет моей работы я не припомню ни единого, ни единого случая, подобного этому. Чтобы девочки, юные, хрупкие создания – и вот так себя вели? Где же это видано, где? У меня не найдется слов, чтобы описать, насколько я неприятно поражен случившимся, вот.

Девушка выслушала тираду, сжав зубы. Она знала, что перебивать его нельзя. Он даст ей время высказаться, но чуть позже, главное – не упустить этот момент и успеть перехватить инициативу. А пока что – молчать, будто рта не имеешь.

– И не надо, не надо на меня волком смотреть, – возмутился и испугался Владимир Александрович, повысив голос. – Я тебе вовсе не враг, вот. Я тебе только добра, исключительно добра желаю. Но каким добром я могу отплатить в данном случае? Что я могу сделать? Нет, это просто невиданно! Это грандиозно невиданно! В моем институте за подобное исключают!

«Вот теперь пора заговорить», – подумала она, уловив во взгляде директора новое выражение, словно взывающее к ответу.

– А что Вы мне прикажете делать, Владимир Александрович? – раздался глубокий голос, больше похожий на мужской. – Что же мне оставалось делать в этой ситуации? Они меня довели. Они специально довели меня до ручки. Я, знаете, и так долго терпела их провокации. Я умею терпеть, я терпела, как Вы мне и советовали, я старалась не реагировать, но и моему терпению подошел конец! Они перешли допустимые границы. Все, что они говорили прежде, я могла проглотить. Я молча стирала с лица их ядовитые плевки, стискивала зубы, сжимала кулаки – но уходила, не трогая их. Вы лучше меня знаете, как они меня ненавидят. Вы знаете, за что. Я знаю, за что. Они тоже знают. Так почему, когда последняя капля переполняет чашу, виноватой оказываюсь я? Разве не они наполняли эту чашу? Разве не они ее наполняли каждый день, намеренно, специально, целеустремленно? Они получили по заслугам. Я ни о чем не жалею, – взмахнув ладонью, отрезала девушка и замолкла, напоследок в негодовании выдохнув носом, как это делают псы.

В эти слова она вложила весь гнев, обиду и возмущение, что в ней томились. Больше ей нечего было сказать. Владимир Александрович посмотрел на студентку с жалостью, сжал губы, вздохнул, затем сел на стул напротив нее. Их разделяло каких-то полметра.

– Леночка, ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, – мягко заговорил он, будто обращался к ребенку. – Я тебя всем сердцем люблю, люблю колоссально, однако... – он снова вздохнул, еще тяжелее, чем прежде. – Сильно болит?

– Болит, – призналась она, дернув плечом.

– Расскажи мне подробно, как это случилось.

Девушка отвернулась и посмотрела в окно, плотно сжимая губы. «Она такая хрупкая, такая... – думал Владимир Александрович, рассматривая ее, – как она могла участвовать в этом?»

– Леночка, девочка моя, не молчи, рассказывай. Расскажешь, а потом подумаем, что с этим можно сделать. Ну?

Девушка повернула голову, и Владимир Александрович слегка испугался того, что увидел в ее глазах. Будто бы на него смотрел человек, которому нечего терять. Человек, готовый убить себя, а заодно и всех пассажиров автобуса или вагона метро. Такой взгляд можно было увидеть только по телевизору, когда показывали террористов-смертников. Мужчина отогнал неприятную мысль.

– Месяц, – четко выговорила она. – Месяц я терпела их издевки. Они не упускали ни единого случая, чтобы облить меня грязью, и обязательно – при всех. Они придирались ко всему. Мой внешний вид. Мое поведение. Мои ответы на занятиях. Мой голос. Моя одежда. Семейное и материальное положение. Месяц. Пять дней в неделю. Я терпела. Они во всем находили изъян, во всем видели повод. Нет ни одной сферы моей жизни, которую бы они не высмеяли. Последние несколько дней я уходила, сжимая кулаки. Старалась избегать их. И они это видели. Они заметили, что почти дожали меня. Оставалось еще чуть-чуть, чтобы я сорвалась с цепи. И они этого жаждали. Они налетали на меня, как стервятники. Их провокации стали невыносимыми. Они понимали это и следили за моей реакцией. Эти двое... они... они просто... не могут называться людьми. А остальные – позволяют им издеваться надо мной, провоцировать меня. Им скучно. Они хотят зрелищ. Знают, что я долго терплю, но если дойду до границы, то... Они получили, что хотели.

Девушка прервалась, чтобы вновь ощупать ранку на лбу и разбитую губу, и поморщилась от боли, тупые удары которой взрывались в висках.

– Леночка, что они сказали? Или сделали?

– Они оскорбили мою мать. Самыми последними словами. И добавили, что я ничуть не лучше. И засмеялись. Все это случилось, когда преподаватель вышел из аудитории. Они совсем не ожидали, что я брошусь на них. Думали, я стерплю, как обычно. Ведь идет занятие, и я обязана стерпеть, чтобы не нарушать дисциплину. Но я... Дайте мне воды. У меня горло пересохло.

Владимир Александрович встал, прошел к своему столу, вытащил откуда-то граненый стакан, поднял и наклонил графин с водой.

– Держи.

– Спасибо.

Девушка сделала два больших глотка, задумчиво помолчала и сделала еще один.

– Что было дальше?

Владимир Александрович снова сел напротив нее, забрал стакан и отпил из него сам. Он не брезговал пить. Лена была единственной студенткой во всем институте, к которой директор испытывал действительно сильную симпатию. Он хорошо знал ее, хорошо знал и ее положение. И то, как поступала эта девушка, всегда восхищало его. Любая на ее месте давно бы сдалась и все бросила. Но Лена тянула свою бурлацкую лямку, сцепив зубы. И почему-то именно за это многие терпеть ее не могли.

– Дальше, – повторила Лена, словно впервые слышала это слово. – Дальше я... я просто кинулась к ним. Опрокинула парту, за которой они сидели. Обе упали со стульев. Все вокруг вскочили со своих мест, но участия не принимали. Кишка у них тонка. Они хотели зрелища – они его получили. Я была... в ярости, о да. У меня плыло перед глазами. Я мало что соображала. Схватила Вику за волосы, пока она не успела подняться с пола, начала бить лицом о спинку стула. Это было... это...

Девушка качала головой, скривившись и пожимая плечами. Взгляд ее был устремлен внутрь себя, где она видела ход событий, развернувшихся полчаса тому назад. Наконец, Лена продолжила.

– А Кристина опомнилась и решила заступиться за подругу. Чем-то твердым она ударила меня по голове. Потом я увидела, что это был цветочный горшок. Он раскололся, и земля посыпалась на нас всех. Лицо Вики уже было как кровавая каша. Я оставила ее и поднялась на ноги. Голова кружилась. Кристина глянула на меня с таким странным удивлением... и отступила. Наверное, она думала, что я должна потерять сознание из-за ее удара. Я приблизилась и вмазала ей по

лицу. С ней вышло не так быстро, как с Викой. Кристина вцепилась мне в волосы и как-то умудрилась ударить по зубам, пока я душила ее. Я почти не понимала, что делаю. Знала, что должна уничтожить их за те слова, которые они произнесли.

– Ты, конечно, не скажешь мне, что они сказали.

– Конечно.

– Ладно. Что было потом?

– Это я помню плохо, но мы боролись еще несколько минут. Хорошо отпечаталось в памяти, когда я споткнулась о Вику и упала, и Кристина собиралась ударить меня в живот, но в этот момент в аудиторию вошел преподаватель, и... дальше Вы знаете сами.

Владимир Александрович тяжело вздохнул. Он знал, что было дальше. Скорая забрала обеих девочек, а Лене приложили лед к губе и залили перекисью ушиб на лбу. В отличие от Вики и Кристины она отделалась очень легко. В этом было самое удивительное, учитывая то, что девушка пошла в одиночку против двоих.

Любой, кто взглянул бы на ее фигуру, не поверил бы в это. На лице у Вики было разбито все, что можно разбить – губы, нос, бровь, щека; выбит один зуб. Крестину увезли с большой гематомой, легким сотрясением и подозрением на разрыв селезенки. И даже учитывая все это, Владимир Александрович не мог приказать себе быть с Леной построже.

– Леночка... ты же взрослая. Ты должна понимать, что...

– Я все знаю, Владимир Александрович. Это недопустимо, это может кончиться судом, меня могут посадить, я начала первая... Но я не контролировала себя. И это они довели меня до такого состояния. Ежедневно и методично они занимались этим.

– Я всегда на твоей стороне. Всегда. Помни это.

Они замолчали. Раздражение и недовольство директора, с которым он встретил девушку в своем кабинете, исчезло, не оставив и следа. Теперь было только сочувствие и сожаление. Владимир Александрович всеми силами соображал, как замять это дело так, чтобы не пришлось исключать Лену во имя сохранения статуса вуза (а совет мог потребовать от него этого), и уж тем более так, чтобы действительно не кончилось судом.

«В ее жизни и так слишком много нехорошего, – напряженно думал директор, – какой же ей суд? Какой суд? Суд над этим существом, которое извели до потери рассудка? Ведь у нее младший брат, за которым некому будет следить, какой же тут суд? И даже если штраф... им и так жить не на что. Жизнь уже достаточно плохо обернулась для нее. Надо что-то придумать, надо срочно что-то решить, прямо сейчас».

– Знаешь, что я намерен сделать? Я вызову родителей этих двух бесстыжих и буду говорить с ними. Да, я буду с ними говорить, и очень серьезно. Я с ними так поговорю, что они забудут о любом суде. Так поговорю, что им стыдно станет за своих детей, за себя, за... Вот что! Если они только заикнутся о суде, я скажу им, что мы выдвинем им встречный иск – за моральный ущерб. На несколько миллионов, да. И еще посмотрим, кто выиграет. Весь педколлектив во главе со мной подтвердит, что на протяжении долгого времени эти две... эти две... над тобой! А ты вообще в состоянии аффекта была. Мы тебе, знаешь, что? Адвоката найдем. Грандиозного адвоката. И я буду колоссально на твоей стороне. И характеристики на тебя самые лучшие дадим, и... все, что надо будет, предоставим. Вот так я им и скажу, пусть даже и не думают о суде, вот.

– Думаете, испугаются? – девушка подалась вперед.

– Испугаются? Еще как испугаются! Побегут домой – детей своих отчитывать. Да как бы им потом второй раз в больницу не попасть!

Владимир Александрович рассмеялся, довольный собой. Лена улыбнулась – от чистого сердца. Ей вдруг поверилось, что все обойдется. А с ней так редко случалось что-то хорошее.

– Лена-Лена! Все хорошо будет, я все улажу. Улажу так, что даже о штрафе не посмеют думать, вот!

– Даже если все обойдется без суда, Вам все равно придется исключить меня, – заметила девушка и поникла.

– Это кто тебе такое сказал? – нахмурился Владимир Александрович. – Это мы еще, знаешь ли, посмотрим, да! А ты не закисай, не закисай раньше времени. Ты, Лена, лучше меня послушай. Послушай, что я тебе скажу сейчас, и, значит, намотай себе на ус, вот. Я все улажу, но! Но! Нельзя допустить ни единого подобного случая в будущем, понимаешь меня? Думаю, ты понимаешь. Вот, когда я уже буду бессилен, так это если еще раз... хотя бы еще раз... – мужчина сжал кулак и потряс им в воздухе. – Понимаешь? Это будет – ну все насмарку, грандиозно все насмарку. И ничем я уже помочь не смогу, ничего не исправлю. Я сейчас вот за тебя поручаюсь, да? Но только при условии, что в будущем, когда все малость уляжется, и они снова начнут ходить на занятия, ты должна строго сказать себе, что не видишь и не слышишь их. Смекаешь, о чем я говорю? Не то что бы там – не поддаваться на провокации, терпеть и... А больше! Сказать себе: их здесь нет. Заставить свой слух не слышать их, свое зрение – не видеть их. Исключить их обеих из своей жизни. Даже если – особенно если! – будут задирать себя. А я уверен, колоссально уверен, что будут, да еще как будут! Ты им сегодня такие козыри дала на руки! Они тебе эти козыри показывать будут до самого конца обучения. Они же не дуры, нет, они понимают, – тут Владимир Александрович постучал пальцем себе по высокому лбу, – что теперь преимущество на их стороне. Что ты теперь висишь на волоске от исключения, а твое исключение им очень выгодно. Ты сегодня... ты раскрыла перед ними свое самое слабое место, понимаешь? Они абсолютно точно усвоили, куда бить. И они будут в это место бить. Чтобы вывести тебя в иной раз и попрощаться с тобой навсегда. Загубить твою жизнь. Не дать тебе получить образование. Но ты, Лена, не должна им этого позволить, – Владимир Александрович ударил кулаком по раскрытой ладони. – Не должна, и все тут! Еще несколько месяцев – и все! Все! Закончится учеба. Не будешь их больше видеть! Вообще! У тебя начнется жизнь, в которой они не будут присутствовать. Совершенно другая жизнь. И какая будет эта жизнь, зависит от того, кончишь ли ты институт или вылетишь из него за очередную драку. Нет, я не виню тебя! Я исключительно на твоей стороне, я исключительно радею за тебя. Я хочу дать тебе понять, что... видишь ли, справедливость нынче не в чести. Вот так. Никому она не нужна. Невыгодно! Так уж сложился наш мир. Ты сама вершишь свое будущее, осознай это. Представь, что держишь его в руках, – Владимир Александрович вытянул перед собой большие жилистые руки и раскрыл ладони. – Оно такое хрупкое, его беречь надо. Каждый свой шаг продумывать. Особенно в твоей жизненной ситуации! В следующий раз, когда захочешь кого-нибудь проучить, подумай о своем брате, о вашем будущем, о... Подумай хорошенько! Семь раз отмерь, как

говорится. Вот. Ты, к сожалению, сама о себе заботишься. Сейчас институт для тебя – все. Понимаешь? Все! Ты обязана за него держаться. Эта тропинка выведет тебя на хорошие перспективы! А ты в них нуждаешься, грандиозно нуждаешься! Так что... Я все прекрасно понимаю – обидно, больно, хочется постоять за себя, за родных... А ты ведь гордая, ой, какая ты гордая, Лена. Ведь это удивительно как, что ты их так долго могла терпеть, – Владимир Александрович снова засмеялся. – Даже я их терплю кое-как. Ох-ох. Ну, что же? Подумай хорошенько надо всем, что я тебе сказал. Исключительно подумай, да? Понимаешь меня, – утвердительно окончил он.

– Понимаю, Владимир Александрович, – кивнула студентка, воспрянув духом. – Спасибо, что Вы на моей стороне. Я Вам очень признательна.

– Еще бы! Еще бы я был на иной стороне. Я на стороне правды, даже если дело труба. Знаешь, что я подумал?

– Что? – девушка улыбнулась, и разбитая губа заболела от натяжения кожи.

– Я подумал, что ты им сегодня так дала прикурить, что они тебя, наверное, и побаиваться станут. Или, того и гляди, вообще переведутся в другой институт.

Не удержавшись, оба прыснули смехом. У Лены отлегло от сердца, словно неподъемный камень кто-то сдвинул с груди и освободил ее, стиснутую, почти задушенную. Даже дышать стало легче, хотелось расправить плечи, подняться и идти навстречу жизни, какой бы она ни была.

Искренность и добродушие Владимира Александровича, этого пожилого и очень чудаковатого человека со странной, но подкупающей манерой говорить, вдохновляла Лену уже не первый год. Как много раз она сидела в этом кабинете и беседовала с ним о чем-нибудь! Сколько полезных советов он ей дал, сколько раз помогал разобраться в себе, найти силы жить следующий день. Выслушав его, хотелось бороться. Бороться с кем угодно и сколько угодно – столько появлялось энергии внутри нее, что она больше ничего не боялась, и ничто не могло ее остановить.

Владимиру Александровичу Лена понравилась сразу. Едва директор увидел ее на первом курсе, когда вызвал к себе из-за конфликта с преподавателем, он понял – в этой девушке нет и не может быть ничего дурного. Хватило единожды

заглянуть ей в глаза, чтобы увидеть в них совершенную неспособность ко злу.

Иногда директор вспоминал тот день, когда первокурсница Елена Лунева впервые вошла в его кабинет – маленькая, испуганная, потерянная, но в изгибе губ, в дугах бровей и глазных впадинах таилась невидимая сила, готовая разразиться бурей, если потребуется.

Ее хотелось приласкать без промедлений, прижать к груди и спросить: ну, что у тебя случилось, девочка ты моя? Владимир Александрович почти не удержался и уже собирался так ее и спросить, но вместо этого прочистил горло. После минуты разговора ему стало ясно, что девушка ни в чем не виновата, а инициатор конфликта – сам преподаватель, выставляющий себя жертвой. Директору тогда мгновенно захотелось наказать любого, кто обидел и в будущем обидит это беззащитное существо. Лена сидела перед ним, сжавшись и ожидая худшего. Но он сказал ей: «Мне все понятно, исключительно понятно. Иди, деточка, и ничего не бойся. Я на твоей стороне в этом вопросе. Все уладим».

Потом было еще много бесед, иногда и вовсе без повода, в ходе которых Владимир Александрович еще лучше узнал Лену и еще сильнее к ней привязывался. Она знала об этой привязанности, но никогда не пользовалась ей в корыстных целях. Директор понимал это и любил ее еще больше – за честность, прямолинейность, искренность, доброе сердце и неиспорченный ум. Лена и сама полюбила Владимира Александровича. Он стал для нее почти единственным человеком, с которым можно поговорить по душам, от которого не ждешь подвоха.

Сегодня Лена в очередной раз покидала кабинет директора с чистым сердцем и легкой душой. То и дело она теряла веру в лучшее, но стоило послушать Владимира Александровича хотя бы десять минут – и не нужен был никакой психолог. Его странная речь и манера выражения поначалу казались Лене забавными, а теперь стали такими родными, что хотелось слышать их как можно чаще. После этих бесед жизнь становилась сносной. Даже мысли о том, как усложнились отношений с коллективом с сегодняшнего дня, как тяжело ей будет предстоящие несколько месяцев – последние несколько месяцев! – тяжелее, чем раньше, все эти мысли не лишали воодушевления. «Посмотрим, кто кого, посмотрим!» – говорила она себе и усмехалась.

Лена не жалела о случившемся, хотя это усложнило ее и без того нелегкую жизнь. Оказывается, всегда есть, куда хуже – надо только постараться. Вика и Кристина считались самыми популярными девушками на курсе, по совместительству лучшими подругами и, что самое главное, самыми ядовитыми гадюками, которых Лена встречала в жизни. Почему-то обе они, ухоженные и не знающие никаких проблем, сразу же невзлюбили Лену и избрали ее козлом отпущения.

Месяц за месяцем девушка лишь словесно реагировала на их поначалу несмелые издевки, грубо огрызалась или колко отвечала с целью унижить. Но вскоре Вика и Кристина вошли во вкус настолько, что потеряли чувство меры, а вся остальная группа просто наблюдала за происходящим и посмеивалась. Никому и в голову не приходило заступиться за Лену. Однако также никому и в голову не приходило, что рано или поздно Лена постоит за себя сама.

Подруги привыкли к тому, что издевательства сходят им с рук, и постепенно повышали планку, развлекая и себя, и группу. Жизнь Лены сложилась так, что провокаторы получали безграничный простор для издевок, каждая из которых задевала за живое. Иногда, когда им не хватало уже известных фактов об однокласснице из неблагополучной семьи, они специально вынюхивали что-нибудь новенькое, чтобы состряпать очередную злую шутку на потеху всем.

К несчастью, остановить этот процесс не могли даже преподаватели. Без устали они осаждали ядовитых подруг, проводили беседы, старались вразумить, воззвать к совести, но вскоре поняли, что совести у этих девушек вовсе не имеется – родители не позаботились. Исключать их тоже было не за что. Лене приходилось терпеть. Но с этого момента придется как никогда плотно стиснуть зубы. Последние несколько месяцев – и все. Все закончится. Закончится навсегда.

«Навсегда», – думала Лена, покидая корпус института на легких ногах, словно плыла по воздуху. Она улыбалась и тут же морщилась от боли в разбитой губе, кутаясь в старое тонкое пальто и прижимая к шее истрепанный временем вязаный шарф.

Она поступила в институт своим умом, без связей, без денег, без чьей-либо помощи. На бюджете ей не пришлось заплатить ни за одну сессию. Просто повезло – директор оказался совестливым человеком старой закалки, взятки не переносил, да и коллектив содержал соответствующий. Но если преподаватели

здесь были по большому счету прекрасные, то на счет студентов подобного сказать было нельзя. Девушка только и мечтала поскорее вырваться из серпентария, где каждый сам за себя и заведомо презирает всех остальных, даже не желая узнать человека чуть лучше; где над понятиями дружбы, уважения и взаимопомощи только смеются, считая их рудиментами прошлого века.

Девушка размышляла обо всем этом, глядя на свои ноги, перешагивающие лужу за лужей. Подтаявший за сегодня снег вместе с жидкой грязью струился тонкими ручейками, стекая в коллекторы. Небо волновалось сине-серой рябью, из-за которой изредка выглядывало блеклое зимнее солнце. Дело шло к вечеру, темнело стремительно.

Лена двигалась по направлению к школе, анализируя сегодняшний день. Владимир Александрович, вне всяких сомнений, прав. «Исключительно прав, грандиозно прав!» – подумалось Лене, и она улыбнулась, позабыв о губе. Ранка лопнула и засочилась кровью, но это было сущим пустяком в сравнении с тем, какие травмы получили обидчицы. Девушка достала из сумки салфетку и приложила ко рту. Не так уж часто она улыбалась, и оттого сейчас было так обидно: когда действительно хочется улыбнуться широко, от всей души, то не можешь, не можешь из-за какой-то разбитой губы.

«Ладно, – подумала Лена, – на самом деле все не так уж плохо. По крайней мере, пока существует солнце и Владимир Александрович. Будет еще лучше, если эти двое действительно начнут опасаться меня. Это решит хотя бы одну из моих проблем. А если нет, если снова начнут бить по самому слабому, если будут провоцировать, то... то придется терпеть так, как еще никогда не терпела. Либо реагировать исключительно словесно. Осталось немного, и надо держаться изо всех сил. Они будут заинтересованы в моем исключении, будут играть на моей вспыльчивости, но...»

Вообще-то Лена никого и никогда прежде не била. Не в ее стиле было решать проблему физическим насилием. Оттого Владимир Александрович был шокирован случившимся. Да и Лене, честно говоря, все еще не верилось в то, что она натворила. Все было как в тумане, и это пугало ее. Неужели вспышки гнева могут лишать рассудка? Подобного с ней еще не бывало. Хотя в ее жизни помимо этих двух гадюк было много такого, что могло бы разозлить.

Девушка внезапно вспомнила, как однажды, еще задолго до этого случая, Владимир Александрович сказал ей: «Ты осознай, деточка – человеку не дается испытаний, которых он не в силах вынести. Все, что дается нам свыше, мы уже заведомо перенесли, иначе на наши плечи эта ноша никогда бы не легла». И еще он сказал: «Ничто не вечно, Леночка, у всего есть свой предел, все когда-нибудь, да кончится».

Он всегда верил в то, что говорил, и говорил это не просто из вежливости, не чтобы успокоить, а говорил он это, потому что знал, что все это так, он верил в это и хотел, чтобы в это поверила и она. И когда Лена поверила в эти простые истины, она поняла, что жить стало гораздо легче, ведь ее жизнь по большей части состояла только из плохого.

Здание школы показалось спустя каких-то полчаса неспешного шага. Степа, брат Лены, учился в шестом классе, и почти каждый день оставался после уроков на какие-нибудь спортивные секции: играл в баскетбол, волейбол, настольный теннис, в общем, всецело проводил время с друзьями. Умный и мечтательный, как и сестра, Степа, однако, в своем коллективе был душой компании и главным весельчаком. В школе он не имел никаких проблем, кроме, может быть, небольших сложностей с оценками, которые начинаются у всех мальчиков в этот период, но в целом был большим молодцом, и учителя его любили.

В мальчишке кипела жизнь, активность, оптимизм, и все невзгоды он переносил легко. Наверное, потому, что большую их часть старшая сестра взваливала на свои плечи. Иначе не могло быть, ведь Лена обожала Степку всей любовью, которая в ней была. И она не могла даже мысленно допустить, чтобы мальчик сталкивался с какими-то трудностями, посему изо всех сил пыталась облегчить его детство, ведь когда она была маленькой, никто не заботился об этом.

Лена еще издали услышала заразительный смех своего брата. Степа стоял у школьных ворот с толпой друзей и принимал самое активное участие в диалоге. Но как только мальчик заметил сестру, он быстро со всеми попрощался и побежал к Лене. Девушка была не в силах сдерживать улыбку. Когда она увидела Степку, в ее душе больше не было места ни горю, ни отчаянию.

Степа подбежал и врезался в сестру. Лена охнула, затем нежно прижала мальчика к себе и потрепала за волосы. Они со Степкой были совсем непохожи – никто бы и не назвал их братом и сестрой. Разные черты лица, разрез глаз, цвет

волос... На это были свои причины, они эти причины знали, но никогда не говорили об этом. Кровное родство все же было в них, но лишь наполовину, что не мешало им любить и ценить друг друга.

Степка отстранился от сестры, вскинул голову и нахмурился.

– Что это у тебя на губе?

– Да так, по пути расскажу, идем. Ничего серьезного, скоро заживет.

– Тебя ударил кто-то?

– Так и есть, но я ударила первая, мне просто дали сдачи, так что все в порядке.

Лена говорила это так легко и непринужденно, что Степа купился на ее интонацию и засмеялся, поверив, что ничего плохого действительно не произошло.

– Скажи мне лучше вот что, дорогой мой друг, почему это ты снова без шапки ходишь?

– Ну она же дурацкая, Лен! Ты и сама без шапки ходишь!

– Я взрослая и сама решаю, носить мне шапку или нет. К тому же у меня есть длинные волосы. А ты просто перед друзьями кочевряжишься. Надень сейчас же, уже холодает. Продует голову – пожалеешь. Знаешь, как в ухе будет стрелять? Мало не покажется.

– Как на войне? – спросил мальчик серьезно.

– Да, как танки фугасом стреляют. Ба-бах!

Степа обреченно вздохнул, сбросил с плеча рюкзак, расстегнул молнию, достал шапку и натянул на голову по самые глаза.

– Вот и молодец. И запомни, ты не должен из-за друзей рисковать своим здоровьем. Это самое ценное, что у тебя есть. Здоровье у тебя одно, а друзья приходят и уходят в течение всей жизни.

Степа посмотрел на сестру виновато, но та уже словно забыла обо всем и улыбалась. И тогда мальчик тоже улыбнулся, уловив, что нотации кончились. Они направились в сторону дома. С каждой минутой становилось холоднее. Приближалась морозная февральская ночь. Неугомонный Степка пробовал ногой каждую лужу, проверял на прочность тонкую наледь, едва успевшую схватиться. Бесполезно было просить его не делать этого – мальчик прекрасно знал, что может промочить ноги и заболеть, но использовал, казалось, каждый свой шанс, чтобы этого достичь.

– Значит, у вас там сегодня была драка? – спросил он, перепрыгивая через небольшой сугроб.

– Ага. Повздорили немного.

– А у нас в школе сегодня тоже подрались два пацана! – воскликнул Степа, удивляясь, как это он сразу не вспомнил о таком значительном совпадении.

– Да ты что? А из-за чего?

– А... из-за девчонки, – кисло отозвался брат. – Это же так глупо! Из-за девочки! Тем более, она ни на того, ни на другого внимания не обращает. Глупо ведь?

– А мальчики, наверное, уже взрослые?

– На год старше меня. Но я их не понимаю. Они были хорошими друзьями. Зачем ругаться из-за этого? Что им это дает? Ведь они не делят ее пополам. Драться надо, когда кто-то играет нечестно или врет, или украл у тебя какую-нибудь вещь, или... А просто так рушить дружбу – какая девчонка этого стоит? Никакая!

Лена переставляла ноги, слушала брата и умилялась его наивности. В свои двенадцать Степка даже не думал о девочках как о противоположном поле. Он вообще пока не понимал смысла их существования. Он занимался спортом, временами рисовал, но чаще конструировал что-то, обнаруживая в себе талант

инженера или архитектора, но за девочками ухлестывать ему и в голову не приходило.

«Когда-нибудь он вырастет, – думала Лена, и эта мысль и грела, и печалила ее, – он дорастет и поймет многие вещи, которые понимаешь в подростковом возрасте. Кто знает, каким он станет. Может, попадет в плохую компанию, и тогда... А может, между нами никогда не будет былых отношений, таких, как сейчас. Он изолируется от меня, будет отталкивать, сбегать из дома, кричать, что ненавидит свою жизнь...»

Девушка испугалась хода своих мыслей и перестала об этом думать. Она посмотрела на брата, который уже несколько минут увлеченно рассказывал ей что-то, даже не замечая, что сестра слишком глубоко задумалась, чтобы улавливать сюжетную линию.

«Нет, нет, никогда, ни за что Степка не станет плохим! – решительно подумала Лена, – я его воспитываю, а значит... значит, он вырастет самым добрым и понимающим парнем. А пока... – счастливое детство и почти никаких забот. Я должна оберегать его. Должна».

Всю дорогу домой Степка рассказывал сестре о школе, уроках, друзьях и спортивной секции по минифутболу, о предстоящих межшкольных соревнованиях и о ненавистной контрольной по математике. Девушка внимательно слушала брата, проявляя, где нужно, сочувствие и интерес, но не удерживаясь от назиданий. Лена была для Степы и сестрой, и другом, и родителем. Параллельно беседе она думала про себя, что денег уже практически нет, а мальчику нужны новые вещи, как минимум кроссовки, ведь старые уже совсем протерлись. Деньги, деньги, где взять деньги? Везде они, всюду их требуют.

Решив не портить настроение, Лена сказала себе, что о деньгах подумает позже, вечером, перед сном. На улице начинало смеркаться, когда брат и сестра пришли домой. Они жили в небольшом частном доме на тупиковой улочке, где все друг друга знали. Убогие заборы и полуразвалившиеся саманные дома, старики, пьяницы да домашнее хозяйство – на этой улице время остановилось уже очень давно, примерно в середине девяностых. По документам дом принадлежал матери – достался в наследство от бабушки, которой давно не было в живых.

Войдя во двор, Лена и Степа машинально осмотрели окна и взволнованно переглянулись. «Только бы ее не было дома, – молилась Лена, – господи, если ты есть, прошу тебя, сделай так, чтобы ее не было дома! Степа не заслуживает этого, мы больше не вынесем ее! Пусть ночует где угодно, только не возвращается сюда!»

В груди неприятно защемило, дурное предчувствие посетило ее, и сердце заторопилось, когда они со Степой тихо входили в дом. Если она здесь, они ни в коем случае не должны разбудить ее. Иногда она возвращалась, и... ничем хорошим это не кончалось.

Брат и сестра обошли все комнаты, и только тогда Лене значительно полегчало: ее не было. Конечно, она могла заявиться в любой момент, все-таки это ее дом, но почему-то Лене казалось, что если ее нет здесь сейчас, то она уже не придет сегодня. Может быть, завтра, но Лена будет молиться, чтобы и завтра этого не случилось.

– Пусто, – улыбнулся Степа.

– Да. Пусто, – многозначительно согласилась Лена.

И они отправились на кухню, чтобы перекусить тем скудным запасом, что найдется в холодильнике.

## Глава 2. Воспоминания и рутина

«Все в мире – лишь страдание, горе, несчастье и смерть. Все обманывает, все лжет, все заставляет страдать и плакать».

Ги де Мопассан «Жизнь».

У Лены была традиция – каждый вечер, перед сном, она садилась за стол, включала лампу, доставала тетрадь и делала в ней записи, содержание которых передавало всю соль произошедших с ней за день событий. Это были некие соображения, домыслы, иногда просто цитата, целый абзац или одно слово, но Лена делала это каждый день, потому что только так она могла освободить свою голову и спокойно уснуть. Друзей у девушки не было, а с братом всего не обсудишь. Делая записи, она словно высказывалась перед кем-то, и от этого становилось легче.

Лена принесла стакан воды, села за стол, поджала ноги под себя, раскрыла тетрадь и взяла ручку.

«Устроила драку. Возможно, будут неприятности, – записала она своим нестройным, небрежным почерком. – В. А. сказал, что постоит за меня. Я ему верю. Еда кончается, скоро придут счета. Срочно нужны деньги. Положение плачевное. Необходимо снова искать подработку. Что касается ЕЕ, то на НЕЕ нет никакой надежды. Она нам ничем не поможет. Я все должна делать сама. Я должна. Должна очень многое терпеть. Ради Степки».

Девушка отложила ручку, заправила волосы за уши и в несколько глотков опустошила стакан. В последний миг она подумала о том, как было бы хорошо, если бы это оказалась водка, а не простая вода из-под крана. Может, от водки стало бы легче, может, рассосался бы этот подступающий к горлу колющий комок... Сейчас она вновь была в таком состоянии, когда необъяснимо хочется выпить – что угодно, лишь бы спиртное. Откуда-то берется эта уверенность, что именно алкоголь поможет тебе, и даже один глоток исправил бы все, повысил настроение, подарил душевную легкость, позволил хоть временно забыться.

«Это ничего не исправит. Этого делать нельзя. Иначе я буду ничем не лучше, чем она».

Лена оперлась локтями о стол и накрыла лицо ладонями. Плечи ее вздрогнули. Девушка вдруг вспомнила, как ОНА была ее без видимой причины, когда Лена была еще как Степа. Лена до сих пор боялась и одновременно ненавидела свою мать. Она боялась ее всегда, а вот стойкая ненависть выработалась через побои и психологическое давление. Мать невзлюбила девочку с рождения – Лена не была желанным ребенком, впрочем, как и брат. Подростая девочка раздражала мать тем, что была «слишком красива» и могла «увести» очередного ухажера, а Лена всего лишь была как две капли воды похожа на мать.

В этот вечер хотелось выть. И воспоминания о том, что уже пришлось пережить, и мысли о том, что только предстоит перенести, душили и подавляли. Внутри словно возник вакуум, который нечем было заполнить, и это тягостное ощущение лишало сил. Хотелось лечь на пол и лежать с закрытыми глазами. Лежать до тех самых пор, пока не умрешь.

Лена ударила по столу кулаком, стакан отозвался тонким комариным звоном.

– Ненавижу, – процедила она, не видя ничего перед собой из-за пелены слез. – Ненавижу тебя. Ненавижу тебя! Мразь... Ты испортила нам жизнь! Ненавижу... Будь ты проклята. Будь ты проклята.

Бессилие овладело разумом Лены и затмило все остальное. Но этот очередной приступ был коротким, как и все предыдущие. Десять-пятнадцать минут полнейшего отчаяния неожиданно сменялись высохшими слезами и сжатыми до побеления кулаками, а губы шептали нечто воинствующее. Голова прояснялась, совесть пробуждалась, и мысли вдруг становились такими кристально ясными, что никак не могли привести к очередному унынию.

– Что бы сказал Владимир Александрович, увидев это! – пристыдила себя Лена и вытерла слезы. – Хватит. Не достанете. Не опрокинете. Не дамся.

Окончательно успокоившись, она легла в постель и мгновенно уснула.

Наутро Лена проснулась с раскалывающейся головой и еще более опухшей губой. Подойдя к зеркалу, удостоверилась, что идти в институт в таком виде совершенно невозможно, посему необходимо посвятить этот день поискам работы. Лена приготовила овсянку на завтрак, отметив про себя, что хлопьев осталось всего на пару дней. Холодильник и ящики пустовали. Были хлеб, соль, сахар, кое-какие крупы, протухшие сосиски... Плохо, очень плохо.

Разбудив брата, Лена собрала его и отправила в школу. Затем достала из морозилки приготовленный с вечера лед, завернула льдинку в платок и приложила к губе. Задумчиво прошлась по комнате и села в старое бурое кресло, практически утонув в нем. Смотрела перед собой, но ничего не видела. Вспоминала вчерашний день, снова прокручивала его в памяти. Как пришла в ярость, когда о матери сказали плохо. А сказали-то, по сути, правду. Как

потеряла над собой контроль. Как била, не помня себя от гнева, не соизмеряя силу, не ощущая ответных ударов.

«Если я ее так ненавижу, то почему, когда эти две стервы позволили себе сказать о ней дурное, я так рассвирепела, что во мне откуда-то взялись силы отправить их в больницу?»

На этот вопрос Лена не могла себе ответить, но знала, что в нем кроется некая глубокая тайна, связанная с ее детством. Эту тайну не хотелось открывать, независимо от того, хуже будет или лучше после ее открытия. Есть такие секреты в тайниках нашей памяти, которые лучше вообще не трогать. Бывает полезно подумать, прежде чем ворошить осиное гнездо.

Девушка плохо и крайне смутно помнила свое детство. Отдельные события, фразы, лица, – смешались в одно расплывчатое пятно. Лена была уверена, что воспоминания ее скудны именно потому, что детский мозг отказывался запоминать то, что с ней происходило. Одна лишь мысль о детстве в общих чертах вызывала негативные эмоции.

Что было с ней? Наверняка нечто травмирующее. Вспоминать было тяжело, да и не хотелось. словно кто-то повесил тяжелый замок и расплавил ключ в огне. Но некоторые эпизоды – их было очень мало – все-таки четко отпечатались в памяти изолированными фрагментами и до сих пор всплывали перед глазами, будто это было вчера. Один из таких эпизодов Лена вспоминала чаще остальных. И сейчас она тоже думала о нем.

В детстве Лена была тихим и спокойным ребенком. Ее воспитанием почти не занимались, поэтому девочка была предоставлена сама себе. Целыми днями она рисовала, что-нибудь придумывала, делала поделки, учила наизусть детские стихи из потрепанной книжки – сборника Агнии Барто.

Веселые яркие иллюстрации нравились маленькой Лене, она знала, что может скопировать их, и поэтому часто срисовывала что-нибудь из толстых энциклопедий в свой альбом, пользуясь самыми простыми цветными карандашами. Но некому было оценить ее рисунки. Иногда брала газетные листы, садилась где-нибудь в уголок и долго и методично рвала их на длинные полосы, стараясь, чтобы все они были одинаковой толщины.

Самые глубокие воспоминания о молодой еще матери всегда сопровождались криками, скандалами, ощущением страха и безысходности. Маленькая Лена очень боялась своей матери, с малых лет всем нутром боялась ее. Этот страх был сковывающим, первобытным, иррациональным. Достаточно было девочке увидеть рассерженный взгляд матери, как вся она леденела изнутри, и даже будто бы кровь, циркулирующая в худом тельце, застывала прямо в сосудах. В такие моменты она не могла ничего сказать, не могла двигаться, а лицо замирало, словно гипсовая маска.

Доводя Лену до шокового состояния, мать была очень раздражена тем, что дочь не отвечает на ее гневные вопросы и вообще не может выговорить ни слова. Это подливало масла в огонь ее свирепости. Мать кричала, требуя реакции, нависнув над девочкой и размахивая рукой, в которой всегда было что-нибудь для удара – тряпка, одежда, книга, кухонная утварь, – а девочка смотрела на нее огромными зелеными глазами и не могла выговорить ни слова.

Подобное ненамеренное игнорирование доводило мать до исступления, и в конечном итоге дело оканчивалось ударом, чаще всего – по лицу. Однажды женщина не рассчитала силы, и теплая кровь потекла на виске у девочки, где кожа была настолько тонкая, что голубела, просвечивая сосуды.

Вспоминая об этом сейчас, сидя в кресле в полном одиночестве, девушка не испытывала той ненависти, что овладела ей накануне. Она смотрела перед собой с расслабленным лицом и слегка опущенными ресницами, размышляя, что должна испытывать жалость к себе и сожаления по поводу не самого лучшего детства, а также зависть к сверстникам, чьи матери были куда более заботливыми, но испытывает только холодное опустошение, какую-то странную выпотрошенность, изумление, отчужденность, когда смотрит взрослым умом на свое детство. Глаза ее оставались сухими – Лена была не из тех людей, которые могут плакать каждый день. Отчаяние у нее чередовалось с воодушевлением. И то, и другое порой доходило до самой крайней степени.

Сбросив с себя задумчивость, девушка растерла лицо руками и привычным жестом протянула ладонь к тумбочке справа, даже не глядя в ту сторону. Пальцы нащупали и схватили толстую книгу с грубой обложкой. Лена потянула ее и раскрыла у себя на коленях на том месте, где остановилась пару дней назад. Это был «Улисс» Джойса, читаемый постепенно и вдумчиво, именно так, как и следует читать книги, особенно – большие книги. Филологическое образование прививает хороший литературный вкус, хочешь ты этого или нет.

Лена была из тех, кто хотел, причем хотел неосознанно, но очень сильно, всем существом своим.

Модернистская литература нравилась Лене тем, что в ней ощущался тот томительный апогей абсурда и хаоса, бессилия и потери веры, краха всех существующих ценностей, потери всякой опоры под ногами, иными словами, все те вещи, которые случились с миром в первой половине двадцатого века и нашли великолепное отражение в искусстве.

Все эти вещи, некогда заставившие тело человечества конвульсивно содрогаться, Лене удавалось прочувствовать очень тонко, словно перекинулся мостик между двумя мирами: культурно-исторической эпохой надлома в прошлом и судьбой отдельного человека в настоящем. Жизнь Лены аналогично изобиловала абсурдом, хаосом, бессилием и потерей веры, поэтому книга не давала девушке чувствовать себя одинокой перед лицом бессмысленности жизни. Впрочем, Лена читала книги разных эпох и в каждой находила для себя что-то по-своему восхитительное, поражающее ее одну.

Чтение продлилось недолго. В тот день необходимо было решить много дел. Обмотав лицо шарфом таким образом, чтобы прохожие не заметили опухшей губы, Лена сходила в продовольственный магазин и купила кое-каких продуктов. К возвращению Степки из школы уже должна быть еда. Если бы не брат, Лена могла питаться подножным кормом. Иногда она недоумевала, откуда в ее, мягко говоря, худеньком теле берется столько энергии. Одна из загадок природы состоит в том, что стройные люди, которые питаются «хлебными крошками», на деле могут оказаться сильнее и выносливее тех, кто ест полноценно или даже более того.

Не менее важным делом был поиск работы. Пересматривая вакансии, Лена отдавала предпочтение тем из них, где оплата была ежедневной или хотя бы еженедельной. В настоящей ситуации иначе нельзя. Деньги нужны как можно скорее, а искать постоянную работу, пока не получил образование и не встал на ноги, по многим причинам нерационально.

С десятков работодателей пообещали, что перезвонят, двое прямо сказали, что Лена им не подходит, и еще один просто посмеялся и положил трубку, когда узнал, на кого учится девушка. Надеясь на лучшее, Лена занялась домашними делами. Ей больше не хотелось думать о плохом. Вчерашний день переполнил эту чашу, и теперь она снова могла терпеть.

Стоит добавить, что в этот же день Владимир Александрович вызвал родителей Вики и Кристины, чтобы побеседовать с ними. В обоих случаях это были обеспеченные и амбициозные люди, искренне верящие в то, что их чадо – как минимум средоточие земного блага и самое ценное, что есть в мире. Владимир Александрович знал такой тип людей и, что не менее важно, прекрасно знал, как с ними обращаться.

В разговоре он был холоден, суров и непреклонен. Рассуждал логически, отчужденно и объективно. С первых же слов продемонстрировал, что доминантой в диалоге является он, и его должны слушать с уважением и трепетом. То, что Владимир Александрович поведал этим людям, прозвучало более чем убедительно. Супруги переглядывались с потерянными и слегка недовольными лицами. Муж изображал на лице решительную непреклонность, хотя и понимал, что придется уступить, а жена скашивала набок ярко накрашенные губы и глаза отводила тоже куда-то вбок. Они пришли сюда, чтобы разгромить университет, однако планы пришлось кардинально изменить, и это вводило в ступор. Им было неловко и странно слушать директора, а он поведал реальный расклад вещей в сложившейся ситуации, в нужных местах самую малость сгущая краски. Владимир Александрович про себя улыбался от удовольствия. «Если мне удалось пристыдить их, значит, дело за малым».

Сама Лена ничуть не думала ни о хлопотах директора, ни о разбитом лице Вики, ни о травмах Кристины. Все ее мысли вращались только вокруг вопроса, где бы поскорее добыть деньги, чтобы Степа не ходил голодный. На следующий день ей позвонили и предложили ежедневно по вечерам производить влажную уборку в некоем госучреждении. Платить обещали две тысячи в неделю. Лена, не раздумывая, согласилась.

Ничего особенного в этой работе не было. Обыкновенная уборка с мытьем полов и протиранием пыли по окончании рабочего дня в одном из офисов туристического центра. Лена с необыкновенной легкостью и быстротой справлялась с этим делом. Женская хозяйственность была дана ей от бога. Сотрудники только восхищались ее сноровкой. А Лена все время думала о том, что в те моменты, когда она на работе, Степа дома совершенно один, а мать может прийти в любой момент, и тогда... Ей хотелось поскорее окончить с работой и лететь домой со всех ног, и она оканчивала и летела, даже начиная предчувствовать нехорошее, но когда прибегала домой, то заставляла брата либо за уроками, либо уже в постели, спящим. Иными словами, страхи ее оказывались напрасными, но на следующий день она снова чего-то опасалась.

Жизнь потекла своим чередом – монотонно, скучно, зато стабильно. В институте Лене начали сторониться и наконец-то оставили в покое. Косые взгляды не могли повредить тому приятному чувству, когда никто тебя не трогает, не задевает, не оскорбляет. Слух о драке распространился быстро, и теперь Лена с удовольствием пожинала его плоды.

Вика и Кристина занятия не посещали, а остальная группа просто-напросто объявила девушке бойкот. Вскоре директор не без ликования сообщил Лене, что с родителями девочек все улажено, и эта весть поспособствовала восстановлению хрупкого душевного равновесия. Наконец-то все более-менее встало на свои места. Несомненный факт того, что девушку начали побаиваться, льстил Лене. «Мне давно следовало показать, на что я способна, – размышляла она, – я слишком долго терпела».

Понятно было, что ее теперь, возможно, большинство считает ненормальной и даже социально опасной, общаться с ней не будут, даже если она первая заговорит, но все это меркло в сравнении с тем, что бесконечные унижения, наконец, закончились. Даже если Вика и Кристина не переведутся в другой университет, а останутся здесь, то когда они появятся, ничего уже не будет, как прежде, Лена даже не ощущала, она знала это со всей уверенностью, на которую была способна. И это знание укрепляло ее.

Отныне жизнь казалась не такой убогой. Рабочие часы проходили приятно и просто, ведь Лена с молодых ногтей любила возиться с водой. Кроме того, в туристическом агентстве были довольно приятные люди, и вскоре у девушки появились новые знакомства. Заведующая хозяйственной частью, пожилая женщина с фиолетовыми волосами и такого же оттенка помадой, но в целом адекватная, лично проверяла кабинеты после уборки, и Лена ей понравилась. «Надо же, – сказала она в самый первый день, – если у тебя и дома такая же чистота, то повезло твоему будущему мужу». Заведующую звали Тамара Васильевна, но она разрешила Лене звать ее «тетя Тома», что было первым признаком доверия, ибо лишь избранные имели право обращаться к ней не по имени и отчеству.

Так как Лена устроилась на должность «мастера чистоты» (а политкорректность современного мира не позволяла называть ее просто «уборщицей») в четверг, к концу недели ей выдали первую тысячу. «Если и дальше так пойдет, мы тебе зарплату до трех тысяч в неделю повысим», – пообещала тетя Тома. Лена была

рада этой тысяче так, как не радуется ребенок новогоднему подарку. Она понимала, что в нынешнем мире эта тысяча – сущий пустяк, копейки, но им со Степой было нечего есть, а эта одинокая купюра спасала положение хотя бы на ближайшее время.

Брат удивился и обрадовался, когда Лена, придя домой, позвала его и молча поставила на стол пакет продуктов. Степка раскрыл его и увидел хлеб – белый и черный, овсянку, яйца, сливочное масло, огурцы с помидорами, картошку и даже колбасу, целую палку.

– Ого! – выкрикнул мальчик и бросился обнимать сестру. – Откуда, Лен?!

– Первый заработок.

– Лена! Сделай мне завтра перед школой мои любимые бутерброды! Сделаешь? С черным хлебом, маслом и вареным яйцом! Сделаешь? Сделаешь?

Степа смеялся и прыгал вокруг сестры. Лена тоже смеялась, видя, как искренне он радуется такой простой вещи как возможность съесть любимый бутерброд.

Конечно, Лена потратила эту тысячу с умом, присовокупив к ней кое-какие старые сбережения. Сначала она заплатила за электричество, потом отложила две сотни на всякий случай, чтобы не быть совсем без денег, а оставшееся потратила на еду. Всего, что она купила, плюс крупы, имеющиеся дома, должно было хватить им двоим на неделю. Разумеется, Лена не планировала долго оставаться «мастером чистоты», даже если ей повысят оплату. Эта работа необходима была только на первое время, чтобы накопить немного денег. По окончании обучения девушка планировала устроиться на постоянное место по профессии. Оставалось буквально несколько месяцев до этого момента. Лена не могла даже предположить, как изменится ее жизнь за это время, которое, при взгляде в настоящий момент, казалось пустым и ничем не заполненным.

Вечером девушка записала в тетради:

«Заработала немного денег. Оплатила счета. Купила еды. Степа был рад. Завтра с утра делаю ему любимые бутерброды. Губа почти зажила, как и рана на лбу. Временами сильно болит голова, но я не думаю, что это что-то серьезное. На работе приятные люди. Есть симпатичные мужчины. Никто не относится ко мне с

презрением, ведь я уборщица... Деньги не пахнут! В институте тихо. Меня обходят стороной. Вика и Кристина все еще не появились. Мне очень интересно, как они будут себя вести, когда начнут посещать занятия. Отныне я буду держать их в ежовых рукавицах. Они будут бояться меня. Что ж, жизнь не так плоха, как казалось!»

На удивление многих, Вика и Кристина не стали переводиться в другой университет. После серьезного разговора с родителями было решено, что оканчивать обучение нужно здесь, а перевод в конце четвертого курса станет только проблемой. На следующей неделе девочки появились в институте. Заметив их лица, на которых почти не осталось следов побоев, Лена испытала нечто, похожее на гордость.

Девушки почти ни с кем не разговаривали, видимо, родители запретили им распространяться о недавнем событии, которое кое-как замяли. Они также старались не смотреть в сторону Лены, но если взгляды и были, то редкие и вскользь. Девушки вели себя тихо и прилежно – играли роль.

В коллективе произошло странное. Вику и Крестину стали воспринимать как жертв, а Лену, всего лишь постоявшую за себя, как злодея. Группа, ранее бойкотировавшая девушку, отныне решила всячески изводить ее, чтобы добиться исключения. Лена держалась изо всех сил, чтобы не устроить новую драку. Слова Владимира Александровича она помнила очень хорошо и реагировала только словесно.

Но длилось это недолго. Выяснилось, что стремление одноклассников не подпитано ничем, кроме страха. Все, что они говорили в сторону Лены, говорилось с опаской. Так дразнят хищника в клетке, чтобы он рассвирепел и показал себя. Однако, как только животное бросается к решетке, люди отскакивают. Лену подначивали, зная о ее вспыльчивости и одновременно опасаясь.

Один раз девушка проходила мимо кучки одноклассников и, услышав что-то о себе, резко остановилась и топнула ногой, рванувшись в их сторону. Студенты отпрянули, выронив тетради. Девушка сделала к ним еще один шаг и показала сжатый кулак, словно припоминая, на что способна.

С того момента провокации кончились, началась молчаливая и холодная ненависть. Лена осознала: ее действительно боятся. Это было смешно, ведь она весила пятьдесят пять килограммов. Однако воспоминания о том, как хрупкая девушка отправила одноклассниц в больницу, были слишком живы в памяти студентов. Лену считали немного сумасшедшей, поэтому рисковать никому не хотелось. Отныне вся группа ждала скорейшего окончания курса с одинаковой силой.

### Глава 3. Новенькая и правда

«... а будем мы говорить прямо и просто: сажа черная, вода мокрая, а сахар сладкий».

Н. Нароков «Могу!»

В конце февраля, когда от снега оставались лишь сухие грязные корки, а солнце все чаще пробивалось сквозь чернильные слоистые тучи, в группе Лены появилась новая девочка – перевелась из другого города. Куратор коротко представил ее и поспешил уйти. Все с интересом осматривали новенькую со светло-рыжими волосами и остреньким, как у лисички, носом. Звали ее Полина.

Полина села одна, подальше от всех, ни с кем не разговаривала, сторонилась студентов и не пыталась наладить хоть какие-нибудь отношения. Впрочем, никто из группы тоже не стремился установить с ней контакт. Девушка всем показалась нелюдимой. Кроме Лены.

Лена наблюдала за новенькой с нескрываемым любопытством и затаенной надеждой на обретение товарища. Девушка сразу ощутила в молчаливой и загадочной Полине нечто родственное. Ей казалось очевидным, почему та молчит и ни с кем не обменивается словом, почему она только внимательно смотрит и слушает. Полина прощупывала почву.

За первый день в новом институте Полина ни разу не улыбнулась, по крайней мере, Лена не заметила такого момента. Но в одно мгновение девушки переглянулись, и Лена сразу же поняла – это свой человек, они обязательно поладят. Одного «диалога» глаза в глаза хватило, чтобы Лена приняла решение. В конце учебного дня она, отбросив сомнения, подошла к новенькой и серьезно сказала:

– Думаю, ты понимаешь, что в этом дурдоме мы должны держаться вместе.

Полина серьезно кивнула. У нее был тяжелый взгляд, но Лена выдержала его. Не было причин трусливо отвести глаза. Сразу же выяснилось, что домой им по пути, и это совпадение их даже не удивило. Словно все шло по верному сценарию, а иначе и быть не могло.

Полина была стройной, симпатичной, одевалась очень просто, но не безвкусно. Лена сразу заметила, что эта девушка была из категории тех, о которых говорят «с изюминкой». У Полины изюминок было даже несколько: от природы рыжие волосы, чуть вздернутый кончик носа, родинка над губой. Она выглядела естественно, и это придавало ей какой-то особенный шарм. Лена без стеснения рассматривала новую знакомую, находя в ее внешности все новые приятные черты.

Как только девушки покинули территорию института, Полина вся преобразилась. Напряжение во взгляде пропало, лицо и осанка расслабились, новенькая больше не сжимала губы и двигалась более плавно и легко. «Вот, какая она на самом деле, – заметила Лена про себя, – когда без маски». Позволив себе улыбку, Полина спросила:

– Так что же, как твое имя?

Ее голос слегка звенел, словно чистый родник в лесу, а интонации были самыми дружелюбными.

– Меня зовут Лена.

– Очень приятно, Лена. Мое имя ты знаешь.

– Не успела забыть. Как тебе новая группа?

– Весь день за ними наблюдала. Пришла к выводу, что самая адекватная в коллективы – ты.

Лена усмехнулась.

– Ну, надо же. Лестно слышать.

– Я даже не удивилась, когда ты подошла ко мне.

– Это я заметила. Я не удивилась и тому, что нам домой по пути.

– В этом нет ничего странного, – сказала Полина. – Это все божье провидение.

– Провидение? Считаешь?

– Уверена. Я много об этом знаю.

– Так что же... нас друг другу послали?

– Вполне может быть. Я и за тобой наблюдала. Ты ведь неспроста сидишь одна и ни с кем не общаешься, верно?

– Причины есть, – кивнула Лена.

– Я догадываюсь, что это могут быть за причины.

– Вот как?

– Да. У тебя с коллективом был конфликт.

– Это плохо или хорошо?

– Учитывая то, что люди в группе не слишком приятные, это скорее хорошо, чем плохо.

Манера общения Полины приятно удивила Лену. Это была живая и остроумная девушка, производящая самое хорошее впечатление на данный момент.

– Конфликт, действительно, был. Но, если ты позволишь, я расскажу тебе об этом немного позже, когда мы лучше узнаем друг друга. Ты не против?

– Узнать тебя лучше? Я только за. Ты мне понравилась.

– Признаться честно, ты мне тоже. Мне хватило единожды взглянуть тебе в глаза, и я подумала: мы с ней поладим, это точно.

– Ты не ошиблась. Вообще-то я человек осторожный и редко кого подпускаю к себе, однако от тебя я не чувствую никакого негатива, никакого подвоха.

– Надеюсь, не разочарую.

– Взаимно.

Они немного помолчали, осмысливая тот факт, что отныне вошли в жизни друг друга, и это вышло так естественно и неожиданно, что не возникало никакого отторжения или удивления. Словно они знали заранее, что скоро наступит день, когда они познакомятся и сразу понравятся друг другу. Словно они уже друг друга знали... Почему все это так? Девушки шли и осмысливали происходящее, анализировали эмоции, что управляли ими в те мгновения.

– Как тебе наш институт? – нашлась Лена, отбросив задумчивость.

– Студенты – не очень. Распущенные, фальшивые, неинтересные. Понаблюдай за ними со стороны – и знакомиться ближе не возникнет желания. Преподаватели нравятся. Тут ничего не скажешь. Талантливые люди, интеллигентные. В моем вузе таких было лишь несколько человек на весь педколлектив.

– Кстати, почему ты перевелась?

– Мы переехали. Всей семьей. Отцу дали новое место службы, здесь. Он священник.

– Священник? – удивленно переспросила Лена.

– Да. А что такого?

– Нет, ничего. Просто... нет, все в порядке, я не атеист, в церкви бываю. Но отчего-то мне удивительно. Сама не понимаю, отчего.

– У нас в этом городе даже родственники есть. Так что пока осваиваемся.

Полина оказалась девушкой из большой и дружной семьи. У нее имелось два брата и две сестры. По возрасту Полина была средней среди детей. В силу профессии отца все члены семьи, особенно Полина, были верующими и набожными людьми, но без фанатизма. Лена вздохнула спокойно, когда новая подруга не стала спрашивать о ее семье в ответ. Девушка увлеченно рассказывала о своих родных, выкладывая все подчистую и уже планируя, как будет знакомить с ними Лену.

– Я тебя с ними обязательно познакомлю! Ты им понравишься, ты хорошая девушка. Мой отец любит таких.

Лене не верилось, что у нее появился друг. Это было очень неожиданным поворотом в жизни. Весь оставшийся день, особенно на работе, она размышляла на этот счет. Вспоминала, как Полина улыбается, какие слова говорит чаще всего, каким голосом и с какой интонацией разговаривает, как поправляет волосы и время от времени касается кончика носа или мочки уха, если задумается о чем-то или не может вспомнить. Полина казалась Лене воспитанной девушкой из правильной семьи, и ей не верилось, что она обрела кого-то, кто будет отныне идти рядом с ней по дороге жизни, слушать ее, смеяться вместе с ней и давать советы.

Лена слишком привыкла к одиночеству. Привыкла справляться со всем сама, а переживаниями и мыслями делиться только с тетрадью по вечерам. Сейчас ей хотелось крепкой дружбы с Полиной. Хотелось попробовать это новое ощущение, познать всю его глубину и многогранность. Иметь друга и быть кому-то другом. По-взрослому, по-настоящему, без предательств и разочарований.

В течение пары недель девушки сидели за одной партой в институте, вместе же ходили на учебу и с учебы домой, встречались и расходились на одном и том же месте, одним словом, стали не разлей вода. Однруппники следили за их отношениями с неприкрытым негодованием. Владимир Александрович был необычайно, колоссально рад за свою подопечную.

Лена мало рассказывала о себе, зато уже практически все знала о Полине. Та выложила подруге свою жизнь, начиная с детского сада и оканчивая неудачной любовью полугодовой давности. Они привязались друг к другу и уже понимали друг друга без слов, общаясь взглядами. Если Лена читала какую-нибудь записку или сообщение Полины, она слышала ее голос с теми самыми интонациями, которые звучали бы в реальной жизни.

Полина в свою очередь видела: ее новая подруга – достаточно скрытный человек, а потому не станет рассказывать о себе много, пока полностью не доверится. Девушка старалась это доверие завоевать, зная, что такие люди, как Лена, скрытные и молчаливые, становятся самыми лучшими друзьями. Должно быть, ее часто обижали в прошлом. Полина не задавала лишних вопросов, зная, что это может только навредить. Когда уровень комфорта их отношений достигнет нужной отметки, Лена сама расскажет о своей жизни, в этом нет никаких сомнений.

С целью приблизить этот момент Полина пригласила подругу к себе домой, чтобы познакомить с родными. Сначала Лена отказывалась, испугавшись, что этот знак внимания подразумевает под собой и взаимный визит в будущем. Но Полина уговорила ее, и сожалеть не пришлось. Семья действительно оказалась дружной, и Лену в ней приняли как свою.

Визит состоялся в солнечный субботний день. Глава семейства был высоким и крепким мужчиной с рыжими волосами, одетый по-домашнему. Он сразу подмигнул Лене, пока жена этого не видела. В тот момент Лена подумала, что немного иначе представляла себе и внешний вид, и поведение священников. Лукавство служителя церкви показалось ей весьма забавным.

Затем с гостьей познакомилась и мать Полины. Это была стройная и статная женщина с золотыми волосами. Глядя на нее, Лена вспомнила Элен Курагину из «Войны и мира». Мать отнеслась к девушке приветливо, но не так дружелюбно, как отец. Она была иного склада характера, чтобы при первой же встрече

позволять себе фамильярности. Вежливость и улыбки, однако, сыпались со всех сторон. Затем произошло поочередное знакомство с братьями и сестрами. Лена никогда не видела, чтобы в семье было столько детей – счастливых и симпатичных, обеспеченных. Но поражало, главным образом, даже не их количество, а то, насколько неувлимо они все были похожи между собой.

Познакомившись и разговорившись, семейство отправилось за обеденный стол, прихватив за собою Лену. Тех неприятных ощущений, что обычно наваливались на нее в компании малознакомых людей, сейчас не было. Девушка испытывала благодарность и признательность, а спустя полчаса совершенно перестала смущаться. Дома у Полины было уютно, комфортно и чисто. Именно так, как и должно быть в нормальной семье, которой Лена была лишена всю жизнь. Со временем Лена стала завсегдатаем этого мирного и уютного дома, где каждый был рад ей.

Их отношения с новенькой крепчали с каждым днем. Они даже называли друг друга по-особому, в знак искренности своей дружбы. Вместо «Полина» Лена говорила: «Поли», а Полина почему-то решила сократить ее фамилию до звательной формы «Лунь».

– Лунь? – переспросила Лена изумленно, впервые услышав такое обращение. – Почему Лунь? Меня никто и никогда так не называл.

– Именно потому, что никто и никогда, а я вот буду, – резонно ответила Полина, – мне так хочется. Так правильно. Лунь. Слышишь, как звучит? Особенно. И тебе подходит.

С того момента Лена могла забыть о своем имени. Вся семья Полины перехватила привычку называть ее Лунью, мотивируя тем, что это прозвище удивительно ей подходит.

– Есть какое-то благозвучие в сочетании букв, – пыталась объяснить Полина. – Лунь. Так ласково, загадочно и тонко. Как будто слово специально «сшили» для тебя! Ты не солнце, ты луна, понимаешь?

Лена не совсем понимала, но ей пришлось согласиться. Это, в конце концов, не самое худшее слово, которым ее называли в жизни, и никакого злого умысла или тайного подтекста оно не несло. Вскоре она настолько привыкла к этому, что

казалось невероятным, будто раньше ее звали только по имени.

Чем чаще Лена появлялась в гостях у Полины, тем чаще она задумывалась о том, что подруга наверняка ждет ответного приглашения. И тем тревожнее и печальнее становилось ей. У Полины большая семья, теплые отношения, большой и красивый дом. А что может показать ей Лена? Полупустой старый домик на тупиковой улочке, дряхлую мебель, оборванные обои? Последует множество вопросов, на которые Лене будет неловко отвечать. Иными словами, Лена стеснялась привести девочку из такой хорошей семьи в свое убогое жилище, куда в любой момент может нагрянуть пьяная неадекватная мать, которая, кстати, уже довольно давно не появлялась.

Подруги ощущали, что из-за этого между ними возникает невольное напряжение, и обе понимали, что рано или поздно придется отбросить все недомолвки. Лена не решалась начать, и разговор завела Полина. Во время очередной прогулки она вдруг нахмурила брови и спросила:

– Лунь, ты ощущаешь, будто между нами что-то не так?

– Да, Поли. Я чувствую.

– Я понимаю, что причины могут быть разными, и что я, возможно, сую нос не в свое дело, но... Скажи мне, Лунь, скажи без обиняков. Ты столько раз была у меня дома, тебя там хорошо приняли. Так почему же ты ни разу не пригласила меня к себе? Я хочу знать, почему, что бы там ни было. Я, честно сказать, долго ждала, что ты мне сама все расскажешь, но поняла, что не дожусь, и решилась спросить. Не посчитай за дерзость. Это просто мой интерес.

Около минуты Лена молчала, обдумывая услышанное. Затем почувствовала, что готова поведать Полине все, как оно есть.

– Рано или поздно мне пришлось бы это тебе рассказать, – вздохнула Лена. – Но я боялась, я очень боялась, что ты изменишь ко мне свое отношение, что вся твоя семья начнет иначе меня воспринимать, если узнает обо мне это... Я, понимаешь, у меня никогда не было настоящего друга. И я слишком дорожу тобой, чтобы потерять. И я очень боюсь... потерять.

– Боже, Лунь, что же такого ужасного ты можешь о себе рассказать? Неужели ты убила человека и хранишь его труп у себя дома, а потому боишься, что если я приду в гости, то могу его обнаружить, и тогда придется прикончить и меня, как случайного свидетеля?

Лена, не выдержав, засмеялась.

– У тебя богатое воображение, Поли. Но все гораздо прозаичнее. Я не могу позвать тебя в гости, потому что мне стыдно. У тебя прекрасная семья, замечательный дом, хорошие отношения с родными... а я... мой дом... и... семья? Мне незнакомо это слово. Вся моя семья – это мой брат. А наш дом мне просто стыдно показывать тебе. Я рада, что, наконец, призналась в этом. Но самого главного ты еще не знаешь.

– Твои родители, Лунь. Они...

– Можно считать, что их нет. Отца я даже не знаю. Я не знаю, кто он, где он и как выглядит. Даже на фотографиях не видела. Он, знаешь, ушел, как только узнал, что мать беременна мною. А мать, она... она... пьет уже очень много лет. Пропадает где-то целыми месяцами. В каких-то компаниях. Возможно, не только пьет, но и колет. Она... иногда приходит домой. Ненадолго. Всегда пьяна. Забирает какие-то вещи, чтобы продать их, а деньги пропить. Остальное время мы с братом живем, как хотим. Брошенные, как говорится, на произвол судьбы.

– А брат, он...

– Он, да, он от другого отца. Его мы тоже не знаем.

– Господи, Лунь... – потрясенно вымолвила Полина и даже остановилась. – Это так... ужасно! Как же вы живете? На какие средства?

– Моя зарплата плюс стипендия. Иногда помогают соседи.

– Невероятно... просто в голове не укладывается. Как такое может быть?!

– Тебе, выросшей в такой семье, трудно представить это. Но такое есть, и я тому – яркий пример, – глядя в сторону, холодно ответила Лена.

– Лена, как ты могла подумать, что я начну к тебе иначе относиться, когда узнаю обо всем?! – почти закричала Полина.

– А разве ты УЖЕ не начала иначе относиться? Ты, как минимум, шокирована. А еще ты начинаешь меня жалеть.

– Лена, мое отношение к тебе осталось прежним, я просто слишком удивлена этим, я... Мне нужно время, чтобы к этому привыкнуть. Пожалуйста, не обижайся.

– Я не обижаюсь, – дернула плечом Лена.

Ей почему-то казалось, что отныне Полина будет дружить с ней только из жалости. Это раздражало. Не такой дружбы она хотела и заслуживала.

– Лунь, я же отчетливо слышу, у тебя даже голос изменился. Посмотри на меня.

Лена повернулась к подруге и подняла глаза. Трудно описать, какие эмоции она испытывала. Почему-то она злилась на Полину, и одновременно злилась на себя за это, потому что девушка была ни при чем, но больше обвинять было некого.

Полина крепко прижала к себе подругу.

– Лунь, дорогая. Я тебя очень ценю. Очень. Ты веришь мне? Неважно! Важно то, что я чувствую. Но разве я виновата в том, что не могу сдержать своего удивления? Разве не удивляется человек, впервые сталкиваясь с чем-то? Это закономерное явление. Ты не должна на меня обижаться, милая Лунь. И я, и моя семья всегда будем рады тебе, независимо от того, что ты поведала. Ты никогда не ощутишь себя лишней или ненужной.

Лена поняла, что плачет. Жгучая жалость к себе вспыхнула внутри нее, и слова подруги лишь подливали масла в этот огонь. Уткнувшись лицом в плечо Полины, девушка вздрагивала, а Полина гладила ее по спине.

– Ну ладно тебе, Лунь, успокойся. Мы всегда поможем тебе, если хочешь. Хоть деньгами, хоть едой, ты только попроси. Если вам с братом будет трудно, мы...

– Нет! – крикнула Лена и оттолкнула подругу.

Полина с испугом взглянула на ее перекошенное лицо. Она не понимала, что происходит, где и что она произнесла не так.

– Не нужно помощи! Этого не нужно! Мы не бездомные! Я работаю! У нас все нормально! – продолжала кричать Лена, утирая слезы, которых теперь стыдилась. – Все не настолько плохо, чтобы нас опекать, ясно?

Полина молчала, с опаской осматривая Лену. Та закрыла лицо руками и старалась успокоиться. Наконец она выдавила из себя еле слышно:

– Прости...

Полина вздохнула, покачала головой, подошла к подруге и вновь обняла ее.

– «И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения – опытность, от опытности – надежда», – тихо заговорила она. – «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем».

Лена подняла голову. Слова Полины подействовали странным образом. Впервые в жизни девушка испытала тягу к священному писанию, ибо слова эти были мудры и действительно способны изгнать печаль. Они успокаивали, вводили в какой-то транс.

– Ты не должна реагировать так резко, Лунь. Не должна. Иисус терпел ради нас, и мы обязаны терпеть. «Претерпевший же до конца спасётся».

– Мне так стыдно, Поли! Так стыдно! Прости меня за эту вспышку гнева... это так страшно, когда я не могу себя контролировать. Словно кто-то управляет мною, пока я не приду в себя.

– Известно, кто управляет, – сказала Полина. – Но он не властен над нами, если мы не допускаем его в свое сердце. Вот и ты не должна допускать. «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения,

зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка». Пойдем, я расскажу тебе про Иова, Лунь. Тебе сейчас просто необходимо это послушать. Жил некогда на свете Иов праведный, искренне верующий в Бога, и решил Дьявол испытать его веру, и предложил Господу поспорить...

Лена кивнула и стала слушать подругу. Пока Полина рассказывала эту известную библейскую историю о мученике, обнаруживая в себе отцовские задатки, Лена думала о том, что ненавидит то чувство, которое возникает, когда к ней испытывают жалость. Отныне жалостью, как ей казалось, будут полностью пропитаны их отношения с Полей. Сама мысль об этом выглядела гнусно. Дружба превратится в постоянные утешения, жалобы и предложения помощи. Лена так не сможет, она не вынесет этого.

– ...и тогда он сказал: «Господи, господи, зачем же ты покинул меня?». Никто из нас, современных людей, не вынес бы всех лишений Иова, но, по крайней мере, свои мы должны терпеть, понимаешь, Лунь? И каждый раз, когда опускаются руки, вспоминать о человеке, у которого отняли ВСЁ, а он так и не потерял веры в Бога.

– А вы с отцом похожи гораздо больше, чем мне сперва казалось, – сказала Лена.

Полина засмеялась.

– Да-а. Он привил мне любовь к Библии, с этим трудно поспорить. Вообще-то в этой книге есть ответы на все вопросы, которые мы задаем себе в течение жизни. Надо только не лениться и почаще туда заглядывать.

Девушки помолчали, задумавшись.

– Тем не менее, я все еще настаиваю на визите, – напомнила Полина.

– Прямо сейчас?

– А почему бы нет? Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

– Что ж, идем, если ты хочешь рискнуть! Но я заранее прошу у тебя прощения за все, что может там произойти.

Степка очень удивился, когда Лена пришла домой не одна. Удивился, а потом засмутился, когда симпатичная рыжая девушка протянула ему руку и представилась:

– Полина.

– Степан! – деловито ответил мальчик и пожал протянутую ладонь с изящными пальцами.

Щеки у него покраснели от волнения. Не так часто в их доме появлялись новые люди.

– Важный жених, – шепнула Полина и переглянулась с Леной.

Девушки засмеялись. Мальчик сначала обиделся, но в следующий миг уже смеялся вместе с ними.

Втроем они провели замечательный вечер на кухне, болтая о всякой всячине, распивая чай и заедая печеньем, которое купила Полина. По пути домой ей удалось убедить Лену, что она не может прийти в гости без чего-нибудь к столу, что так ее воспитали, и ничего тут не поделать. Лене пришлось смириться с покупкой.

Несмотря на то, что настроение у всех было отличное, а беседа текла сама собой, девушка ни на миг не забывала о возможном визите матери. По закону подлости, когда еще, как не сейчас, она должна была явиться? Но она так и не пришла. И Лена, ненавидящая свою мать, начинала беспокоиться о ней.

То, что узнала Полина, лишь укрепило ее симпатию к подруге. Конечно, невозможно было не изменить своего отношения к человеку, узнав, что в его жизни происходит подобное. Отношение изменилось, но лишь в лучшую сторону. Побывав у Лены дома, увидев, в каких условиях они со Степкой существуют, Полина была поражена стойкостью и жизнелюбием брата и сестры. И этому человеку она проповедовала о терпении! Уходя, она сказала Лене: «Я раньше и

подумать не могла, что на свете есть такие люди, как ты».

Дружба между девушками стала лишь крепче, несмотря на все опасения. Теперь она крепилась не только на сходстве вкусов и жизненных позиций, но и на глубоком доверии, а оно, как правило, фундамент любых отношений. Поддержка Полины больше не раздражала Лену, а наоборот, сделала жизнь проще. В университете, на работе и дома все шло своим чередом, вот только мать не появлялась... Связаться с ней не было никакой возможности, узнать, где она сейчас находится – тоже. «Вероятно, она просто забыла о нас, – успокаивала себя Лена. – Если бы с ней что-то случилось, нам бы уже сообщили. Если бы она попала в больницу или умерла, мы бы знали об этом. Значит, она жива».

Середина марта позволила весне вступить в свои права. Часто случались дожди, но после них солнце светило еще ярче и теплее, чем прежде, будто вода помогала небесам омыться от зимних наслоений.

Кое-где пробивались пучки молодой зелени, яркими пятнышками появляясь на фоне мокрой черной земли. Серо-голубое небо то и дело пестрело птицами, возвращающимися с юга. Воздух был чист, свеж и удивительно приятен на вкус, будто ты не дышал, а пил ключевую воду.

Природа оживала, не спеша наливаясь солнцем и красками, и Лена ощущала, что внутри нее происходит аналогичное обновление. Они с Полиной ходили друг к другу в гости, а в свободное время гуляли вместе. Казалось, ничто не сумеет пошатнуть их теплые отношения.

#### Глава 4. Дождь и последствия

«Должно же быть в жизни что-то хорошее. Кроме самой жизни».

С. Лукьяненко «Квази»

«Но во всякой любви есть печаль, – вспоминал я,– печаль завершения и приближения смерти любви, если она бывает счастливой, и печаль невозможности и потери того, что нам никогда не принадлежало,– если любовь остается тщетной».

Г. Газданов «Вечер у Клэр»

В скором времени жизнь Лены коренным образом изменилась, что повлекло за собой метаморфозы в жизнях и многих других людей. Никто и представить не мог, что в ближайшее время среди таинственно переплетенных судеб разыграется драма, виной которой станет обыкновенный дождь.

Один раз, в течение столь привычной прогулки по городу, подруг настиг внезапный ливень. Крупные капли зачастили с неба, барабаня по крышам, фонтанчиками взрываясь об асфальт, словно пули в песке. Как будто кто-то наверху окончательно решил: «Пора. Пора действию начаться. Время пришло», и запустил этим дождем длинную цепь событий, исход которых не мог предвидеть даже сам.

Грозовой раскат вспорол тишину, словно треск разрываемой ткани, и капли зачастили с удвоенной силой. Девушки спрятались под ближайшим навесом у входа в обувной магазин. Манекены на витрине взирали на них с пластмассовым безразличием. «Хорошо же им», – подумалось Лене.

– Кажется, это надолго, – громко сказала Полина, чтобы ее было слышно сквозь шум воды и ветра.

– Похоже на то, – откликнулась Лена, запрокинув голову и с прищуром рассматривая небо. Его как будто взбивали миксером, подмешивая чернил.

Как назло, стихия обрушилась на них в тот миг, когда девушки были слишком далеко от дома. Пару минут спустя Лена услышала, как подруга рассмеялась.

– Что такое? – нахмурилась она, не понимая, что могло быть забавного в этой ситуации.

– Ты не поверишь, но у меня к тебе безумное предложение! – весело ответила Поля. – Иного выхода у нас нет!

– Выкладывай.

– В паре кварталов отсюда живут мои родственники. Кто-то из них точно дома. Я думаю, дождь затянется, и нам лучше переждать его под крышей!

– Хочешь пробежаться?! – переспросила Лена, не веря своим ушам.

Идея была безумна и оттого чертовски привлекательна. Она разжигала в крови азарт, и Лене вдруг захотелось бежать, бежать так быстро, как она только сможет. Нарушать все возможные границы и не подчиняться разумным законам. Мчаться под дождем, промокнуть насквозь! К черту все правила!

– А ты хочешь торчать здесь несколько часов?

– Но мы же вымокнем до нитки! – улыбалась Лена, уже понимая, что это не имеет значения.

– Ну и что? Зато повеселимся!

Лена посмотрела на Полину исподлобья и сжала ее предплечье, будто командир отправлял рядового на смерть.

– Прокладывай маршрут.

Они выскочили из-под навеса друг за другом и сразу же попали под тугие струи дождя, словно нырнули под воду. Безудержный смех разбирал обеих, и вскоре девушки хохотали прямо на бегу. Начавшийся через минуту град вызвал новую волну веселья.

– Ах, черт! – громко крикнула Лена, когда что-то мелкое и твердое, как зеленая виноградина, ударило ей по щеке, затем по лбу, носу. – Это же град! Град! – закричала она и засмеялась еще сильнее.

Бежать не было сил – смех быстро сбивал дыхание. Хотелось остановиться, согнуться пополам и отсмеяться, но останавливаться было нельзя, и с дрожащими ногами девушки бежали под потоками воды и льдинок, оглашая окрестности сдавленным хохотом.

Понимая, что полностью промокла и замерзла, Лена, тем не менее, впервые чувствовала себя такой свободной и счастливой. Эти неповторимые ощущения дарила ей дружба с Полиной, и Лена была всем сердцем благодарна рыжеволосой девушке за бесценные моменты, которых у нее никогда не было прежде.

Впереди виднелась маленькая автобусная остановка, выкрашенная в синий.

– Сюда! – крикнула Полина.

Оказавшись под хлипкой крышей, девушки могли перевести дыхание. Едва они остановились, смеяться перехотелось. Потоки воды текли по улице, по дороге, а дождь все не утихал.

– Это их дом, – Полина указала на противоположную сторону улицы, шмыгнула носом и принялась выжимать на себе края одежды.

Лена повернула голову, смахнула с ресниц крупную каплю и увидела аккуратный частный дом средних размеров из белого кирпича и шоколадного цвета черепицы. Высокое черное ограждение было украшено узорами металлическойковки.

– С чего ты решила, что кто-то будет дома?

– Здесь живет моя тетя, сестра отца, с мужем и сыном. Ксения – двоюродная сестра отца, но не суть. У ее мужа свободный график работы, так что, скорее всего, он дома. Вот что, Лунь. Жди здесь, а я на разведку!

С этими словами Полина выпрыгнула под стену дождя, словно под прицелы врагов, и резво пересекла дорогу. Кованая дверца легко поддалась, отворяясь внутрь, и Полина махнула рукой, дав знак, чтобы Лена следовала за ней. Когда девушки стояли на пороге, Лене впервые не понравилась эта затея. Поля

крикнула в приоткрытую дверь:

– Илья, ты дома? Это я, Полина!

Девушка быстро разулась и прошла внутрь.

– Будь здесь пока, я с ним поговорю.

Лена понимала, что не хочет здесь находиться, но ничего не успела сказать и осталась у входной двери, мокрая насквозь. Почти сразу она услышала голоса – мужской и женский, из глубины дома. Видимо, подруга нашла, кого искала.

Вдруг появилась Поля с большим полотенцем на плечах и еще одним в руках. Приблизившись, она говорила и делала что-то, но Лена ее совершенно не слышала. Застывшим взглядом, теряя ощущение реальности, она смотрела на человека, который появился следом за подругой.

Он был рослым и изумительно сложенным. Заметив Лену, мужчина остановился напротив и остолбенел так же, как она. Нечто мгновенное, едва ощутимое, пронзило обоих до самого костного мозга, когда они посмотрели друг на друга в самый первый раз.

Не заметив этой странной заминки, Полина ринулась их знакомить. А они продолжали смотреть друг на друга в равной степени растерянно. Как будто видели друг друга в прошлой жизни или во сне, и сейчас напряженно пытались припомнить, да никак не получалось.

– Знакомься, Лунь, это Илья Алексеевич, муж моей тети, журналист с высшим экономическим образованием. Илья, это Лунь, моя одноклассница, вместе мы грызем гранит филологической науки, так сказать.

Полина все говорила, а сама помогала Лене снимать отяжелевшую от воды и липнущую к телу верхнюю одежду, растирала подругу полотенцем, пока та безвольно стояла на месте.

– Мне очень приятно, – губы Ильи Алексеевича растянулись в легкую дружелюбную улыбку.

Эта улыбка превращала его слова не просто в дань вежливости, а в самое искреннее признание, которое Лена слышала в жизни, пусть и сказанное слегка неуверенным тоном. У нее помутилось в голове. Все, что ей удавалось – это стоять ровно и смотреть на него во все глаза, безуспешно пытаясь взять себя в руки.

– Вас так и зовут – Лунь? – спросил Илья Алексеевич, чуть приподняв брови, точь-в-точь удивленный ребенок. – Странное какое имя.

Лена понимала, о чем он ее спрашивает и что она должна произнести в ответ, но совладать с собой не могла и словно очарованная смотрела в его большие добрые глаза.

– Да нет, конечно! – ответила Полина. – Это я так, по привычке сказала. А на самом деле ее зовут Лена Лунева. Лунь – это я ее называю. Правда ведь, ей подходит?

Илья Алексеевич с тенью улыбки на губах рассматривал на Лену, ничего не отвечая. «Это умиление или непонимание?» – спросила себя она.

– Извините, мне очень неловко находиться здесь в таком виде, – выдавила из себя девушка и опустила глаза.

– Настоящая Лунь, не правда ли? – засмеялась Полина. – Что же ты еще не разулась?

Чувствуя себя очень глупо, Лена наклонилась, чтобы неловко стащить ботинки. По крайней мере, это позволило отвести глаза и восстановить дыхание.

– Действовать будем так, – заговорил Илья Алексеевич, – обе сходите в горячий душ, вещи отдадите мне, я их положу на электросушилку, а вам дам пару махровых халатов: на время. Покажешь Луни, где ванная. Я пока поставлю чайник и сделаю горячее питье. Если действовать быстро, возможно, последствий этой прогулки удастся избежать. Так что – вперед.

Хотелось бы Лене поспорить с таким капитанским планом действий, да говорить она не могла. Полина взяла ее за локоть и повела за собой. Была ли это любовь с

первого взгляда? Лена себя не спрашивала. Но будто бы длинная теплая игла поразила ее в самую глубину и прочно засела там, возможно, навсегда. Казалось, все это происходит не с ней и не сейчас, а сама она далеко отсюда, где-то в смежных слоях реальности.

За неимением выбора девушке пришлось подчиниться данным инструкциям: взять халат, сдать личную одежду (все, кроме нижнего белья), залезть под душ. Обливаясь горячей водой и покрываясь гусиной кожей от резкого перепада температур, Лена думала о том, почему ее мозг отказывается до конца осознавать происходящее. Илья Алексеевич проявил недюжинное гостеприимство. Забота, с которой он отнесся к вымокшим гостям, была поистине неожиданна. Он без раздумий предложил им все, чем только мог помочь. Но это ли выбивало Лену из колеи? Отнюдь нет.

Девушка поняла, что даже не помнит, как выглядит этот мужчина. В память врезались только большие голубые глаза, доверчивые и по-детски широко раскрытые, сияющие добротой. Этот свет был нестерпимо ярким, но Лене хотелось ослепнуть от него, раствориться в нем навсегда...

Когда она достаточно согрелась, потеряв счет времени, то выключила горячую воду, тихо вылезла из ванной, стараясь не поскользнуться на белоснежной плитке, протянула руку к стиральной машине и взяла серо-синий банный халат.

«Как забавно, – подумала она, – мартовское небо точь-в-точь такого же цвета. Интересно, чей он?». Размер был мужской, но вещь пахла только стиральным кондиционером. Сирень или что-то вроде того. Лена надела халат, завязала пояс и провела руками по гладкому и мягкому воротнику, затем досуха растерла ноги и обула домашние тапочки. Ей сразу же стало так уютно, как никогда не бывало дома. Глубоко задумавшись, Лена прислушалась к себе, стараясь найти ответы на вопросы, но внезапный стук испугал ее.

– Лунь, ну чего ты там возишься? – недовольно спросила Полина по ту сторону двери. – Выходи уже, чай стынет!

– Иду, – откликнулась Лена, но настолько тихо, что удаляющиеся шаги были слышны лучше, чем ее собственный голос.

Странная мысль посетила девушку – будто бы она давно живет в этом доме и знает здесь каждый уголок. Ее взгляд наткнулся на бритвенные станки, лежащие на полочке под зеркалом, и тут же с обжигающим стыдом Лена вспомнила об Илье Алексеевиче и отвернулась, будто увидела нечто слишком личное. Странно, что она могла забыть о нем, хотя с момента их встречи лишь о нем и думала.

– Как же я выйду туда сейчас в его халате на голое тело? – спросила она себя. – Ведь это неприлично. Как можно предстать в таком виде перед едва знакомым мужчиной?

Запахнув халат плотнее, будто это могло усмирить чувство стыда, Лена вышла из ванной и направилась на кухню. За столом сидела только Полина. Она держала большую кружку в обеих руках и улыбнулась подруге.

«Но где же он?» – лихорадочно подумала Лена, а вслух аккуратно спросила, подбирая слова:

– Илья Алексеевич всегда такой... радушный?

– Ага. Сколько его помню. Широкой души человек.

«Где же он, где? Неужели не придет?» – думала Лена, но не решалась спросить Полину – боялась выдать волнение. Она села за стол, поджав под себя одну ногу, глотнула чаю и обнаружила, что ее немного трясет, и желудок неприятно сжимается. Полина почему-то молчала, и это показалось подозрительным. «Неужели она все поняла? Неужели догадалась?». Но тут вошел гостеприимный хозяин дома, и Лена даже не старалась сдерживаться – все свое внимание она обратила на него.

– Ну что, согрелись немного? – спросил мужчина, наливая кипяток в свою кружку.

Лена неотрывно следила за каждым его движением. «Какая у него осанка», – подумала она.

– О-о, еще как! Спасибо большое, что выручил, – отозвалась Полина.

– Да ладно, не стоит благодарностей, – слегка смутился он и сел за стол напротив Лены.

Пытаясь сохранить спокойное лицо, она глядела на него и запоминала, как он выглядит, запоминала с такой же жадностью, с которой припадает к воде скитавшийся по пустыне путник. Девушка не могла припомнить, чтобы хоть раз прежде встречались ей люди с такой гармоничной внешностью без каких-либо видимых изъянов.

Илья Алексеевич выглядел молодо, но Лена догадывалась, что, скорее всего, ему за тридцать – по взгляду, речи, движениям. Он был строен, крепок сложением, высок, одет в просторную одежду и слегка небрежен. Чем-то неуловимым он напоминал Лене викинга – помытого, побритого и по-человечески одетого молодого викинга. Черты лица наводили на мысль о том, что в мужчине течет скандинавская кровь. Черные волосы были густыми, жесткими и давно не стриженными. Откинутые назад, они открывали высокий и ровный лоб.

Родственники мило болтали о чем-то, игнорируя пристальный взгляд Лены. С каждой минутой Илья Алексеевич нравился ей все больше, чем с первого взгляда. Седой волос на виске, морщинка на лбу, добрый прищур глаз, родинка на щеке, длинные тонкие пальцы, обхватившие кружку... От этих мелочей невозможно было отвести глаз, и Лена даже не пыталась. Она была совершенно очарована. Ей хотелось никогда не уходить из этого дома.

Вспомнив о кружке чая, Лена решила сделать пару глотков, чтобы не выглядеть глупо.

– Что это Вы, Лунь, все молчите? – приветливо улыбался Илья Алексеевич.

Несмотря на отчаянные попытки, Лене не удалось скрыть смущения.

– Я... извините. Мне неловко, что все так... Спасибо Вам за заботу, – выговорила она и подняла глаза, как забитое животное.

Мужчина смотрел открыто и тепло, с ним хотелось говорить, ему хотелось верить. «Как же он добр! – подумалось Лене, – весь сияет изнутри».

– Ну что Вы, Лунь, как я могу отказать вам в такой ситуации? Хорошо, что я оказался дома.

«Какие у Вас идеальные пальцы!» – чуть не выпалила взволнованная Лена, но вовремя накрыла рот кружкой.

– Правда ведь, ей подходит, да? – зачастила Полина. – Какая же она Лена? Это скучно. Лунь – вот ее настоящее имя. Это, кстати, я придумала.

– Лунь, – повторил Илья, пробуя слово на вкус. – Да, забавно.

Лене показалось, что у нее резко поднялась температура. Она убедила себя, что виноват чай.

– Это действительно удачное стечение обстоятельств, что мы застали тебя дома!

– О, да, я, кхм, как раз был у себя в кабинете, работал. Взял на дом, чтобы в офисе не торчать, – будто бы оправдывался Илья Алексеевич.

Разговаривая, он приподнимал брови и подбородок, как делают дети или робкие взрослые. От этого все, что бы он ни сказал, звучало искренне.

– Вы журналист? – подала голос Лена, хотя Полина и так известила ее об этом.

– Да. Пишу, знаете, статьи, беру интервью и все в этом же роде. Как раз, когда вы пришли, я не мог окончить один абзац. В общем, вы меня просто спасли. Я с чистой совестью бросил это гиблое дело и отправился вам на выручку.

– О чем же статья? – спросила Полина из вежливости.

– О приютах для бездомных животных. Вы наверняка слышали о новом законе – их собираются массово закрывать, а всех животных планируется распускать либо отстреливать...

– Чудовищно.

– Удивительная жизнь! – заметила Поля, резко переводя тему. – Получить экономическое образование, а стать успешным журналистом. Пути господни неисповедимы, воистину!

– А вы, получается, будущие филологи.

– Кто знает. Возможно, я стану геологом, а Полина – вообще палеонтологом.

– Замечательная у нас будет команда, – засмеялся Илья Алексеевич. – Вы с Полиной будете исследовать почвы, проводить раскопки, найдете чьи-нибудь древние захоронения с россыпями сокровищ, а я буду вести прямые репортажи с места событий. Впрочем, главное – заниматься тем, что тебе по душе. Большинство из нас получает образование по профессии, которая не имеет ничего общего с нашими увлечениями. Такова, к сожалению, жизнь. Счастливчик тот, кто занимается любимым делом! Вот вы, девушки, почему ваш выбор пал на филологию? Вы действительно хотите заниматься этим всю жизнь?

Илья Алексеевич взглянул на Лену, так как сидел напротив нее, но отвечать начала Полина. Она заговорила что-то об отце, о постоянных спорах между ними, о связи теологии и филологии, о Библии, герменевтике, о том, что «искони бе слово, и слово бе Бог»... В общем, запрыгнула на свою любимую волну.

Лена почти не слушала, прятала глаза и утопала в собственных мыслях. Илья Алексеевич легко шел на контакт и охотно о себе рассказывал. Это было так удивительно: сидеть в этом доме в чужой одежде, пить ягодный чай с лимоном и тепло общаться с едва знакомым человеком.

– Ну а Вы, Лунь?

– Да? Что?

Стоило ему обратиться к ней, девушка пылала от смущения и забывала обо всем на свете. Сам Илья Алексеевич оставался спокойным, добродушным и приветливым. Интересно, какое событие могло вывести его из этого состояния?

– Почему Вы пошли на филологический?

– Я очень люблю читать, – ответила Лунь, судорожно обдумывая, что еще можно добавить, чтобы произвести впечатление.

– Книги, – сказала она, – они... как... порталы. В другие миры. Ты можешь легко открывать эти порталы и попадать в бесчисленное множество виртуальных вселенных, продуцированных когда-то чьим-то воображением – несколько лет или несколько веков тому назад. Все дело в текстах... точнее, в определенной совокупности знаков, образующих текст. Будь то лист бумаги или экран монитора, не суть, – Лена понимала, что несет несусветную чушь, но останавливаться было бы уже глупо, – любой текст, я имею в виду, конечно, художественный текст, – это некий код, узнав который... закодированное сообщение, некий интертекст, надтекстуальная субстанция, понимаете? То, что мы читаем как бы между строк. Познать этот код можно лишь тогда, когда весь текст прочтен. Иными словами, знание этого кода дает человеку новые возможности. С книгой мы можем преодолевать время и пространство, оказываться в любом месте Вселенной в любом промежутке ее существования. Это, своего рода, машина времени, инструментом которой становится наше воображение. Ведь реально лишь то, что мы знаем и можем себе представить. Вещи обретают свою объективность только через наше субъективное восприятие, и никак иначе. Для нас не существует того, о чем мы не знаем.

Полина и Илья Алексеевич молча смотрели на нее, будто ожидая продолжения, и тогда она тихо добавила:

– Как можно не любить книги, если они делают человека почти всемогущим?

– Признаться, я... немного поражен.

Лена облизнула губы и отвела глаза. Ее щеки пылали, ей хотелось провалиться сквозь землю от того, как на нее смотрели. Увы, ей не удалось и на одну десятую приблизиться к тому, что действительно хотелось выразить.

– Ничего себе, Лунь, – усмехнулась Полина. – Наконец-то и ты разговорилась!

Беседа продолжилась куда живее.

Лене казалось, будто она вернулась в далекое прошлое. Только в подростковом возрасте она переживала столь сильные, отключающие разум эмоции при

знакомстве с новым человеком. Впервые в жизни Лена познала то, с чем большинство людей сталкиваются в шестнадцать-семнадцать лет, когда на них обрушивается первое настоящее чувство. Жар мучил ее, и в то же время озноб покалывал ей пальцы и шею. В голове было пусто и весело, будто от большого количества алкоголя. Лене хотелось долго и красиво говорить, обнаружить все свои знания и всю глубину внутреннего мира, но нужные слова ускользали, мысли путались, лицо горело, пальцы в холодном поту дрожали.

Илья Алексеевич был очень красив, но не той утонченной красотой надменного аристократа с тонкими кистями и лодыжками, не бравшего в руки ничего тяжелее пера и созданного для словесных поединков, изысканного вина и танцев, нет. В нем была красота мечтателя, человека, привыкшего находиться в своих грезах, но не лишённого мужественности. Человека, который в одинаковой степени может день напролет колоть дрова топором или стоять у мольберта. Нечто непередаваемо возвышенное таилось в его лице, но это и не был лик святого.

В конце концов, Лена пришла к выводу, что такие черты лица могут принадлежать человеку, способному на сильные поступки, готовому рисковать собой, идти поперек всякому правилу, не боясь разрушить свое реноме. В его неизменно спокойном и добром взгляде читалась постоянная готовность восхищаться миром или противостоять ему, творить и задавать вопросы, на которые мироздание пока не готово дать ответы...

Илья Алексеевич Вилин действительно носил на себе глубокий след духовной просветленности, который всякому разумному человеку говорил о несомненном наличии таланта. Он был добродушен и отчужден от земного, низменного, бытового. Ровное его настроение и умиротворение души позволяло ему быть со всеми одинаково приветливым, редко когда выходить из себя.

Когда Лунь заговорила о книгах, Илья Алексеевич ощутил некоторое смутное движение внутри себя, будто бы что-то в нем рванулось навстречу словам этой девушки, но тяжелая цепь остановила этот порыв. И он догадывался, что именно отозвалось в нем на ее воодушевленные рассуждения. Приоткрыв себя и свои взгляды, Лена позволила Илье Алексеевичу заподозрить, что перед ним, вероятно, сидит некто, внутренне похожий на него, а может, даже идентичный.

До тех пор, пока вещи девушек окончательно не высохли, троица просидела за приятными, временами философскими разговорами. Много шутили и смеялись.

Когда дождь кончился, всем стало немного печально оттого, что пришло время расставаться. Девушки могли отправляться домой, но ни они, ни хозяин дома этого не хотели.

– Должен признаться, беседуя с вами, я провел время куда увлекательнее, чем мучая себя статьей, – сказал Илья Алексеевич. – Я люблю свою работу, но иногда ее становится так много, что просто необходимо ее разбавлять. А чем еще можно разбавить рутину, как не столь приятными диалогами обо всем на свете со светлыми головами?

– Что Вы имеете в виду? – спустя полтора часа Лена настолько привыкла к своим новым ощущениям, что даже позволила себе лукаво прищуриться.

– То, что вы могли бы приходить ко мне в гости не только в тех случаях, когда попадете под дождь неподалеку. Я буду рад вас видеть, Полина, Лунь. Приходите хоть на часок.

Они условились, что будут видаться раз в неделю. Теплую одежду, снятую с электросушилки, было приятно надевать, но все внутреннее существо Лены противилось необходимости покидать эти стены. На прощание она еще раз поблагодарила Илью Алексеевича за оказанный уют. Теперь сделать это было проще, она более-менее взяла себя в руки. Хозяин дома ответил, что будет рад видеть их на следующей неделе, и на этом они распрощались.

## Глава 5. Мать и проблемы

«Просто удивительно, как быстро проходят волны восторга. Грызть себя, уязвлять себя, нудить и зудеть можно часами, а восторг приходит – и тут же уходит».

А. и Б. Стругацкие «Дело об убийстве».

Несмотря на тяжелое расставание, Лунь находилась в приподнятом настроении, но старалась это скрыть, чтобы подруга ни о чем не догадалась. По пути домой они с Полиной, конечно, говорили об отзывчивости ее дяди, и Лене было трудно не задавать опасных вопросов. Ей хотелось узнать об Илье Алексеевиче как можно больше и полнее, но здравый смысл заставлял ее молчать и слушать те мелкие крупички, что Полина упоминала случайно.

– Они с Ксюшей поженились, кажется, лет семь тому назад, да... Учились вместе в институте. Сынишке пять лет, скоро в школу пойдет. Глебом зовут. Никогда не слышала, чтобы у них в семье были скандалы. Ну, ты сама понимаешь, какие могут быть скандалы с таким человеком, как Илья? Он же сама доброта...

У памятника Горькому подруги расстались, каждая пошла в свою сторону. Лена чувствовала себя так, словно нечто большое и светлое несло ее над землей, плыло вместе с ней, роняя белые искры на землю. Не прекращая улыбаться, мысленно она возвращалась к моменту их встречи с Ильей Алексеевичем, заставляла его образ вновь и вновь возникать перед глазами, прокручивала и анализировала каждый момент, когда он находился поблизости, обращался к ней, смотрел в ее сторону, улыбался.

Девушка не сознавала, что влюблена – ее состояние было слишком далеко от возможности делать выводы. Но она, без сомнений, была счастлива, и причину этого счастья не искала – ее не нужно было искать, она и так стояла перед глазами. Если человеку хорошо, его все устраивает, все стоит на своих местах, и даже помышлять не хочется, почему все именно так. Если же человеку плохо, он только и делает, что думает.

Внешность Ильи Алексеевича мало кого оставила бы равнодушным. Но еще больше покорили Лену его характер и личные качества вкупе с таким привлекательным внешним видом. Будь он только красив или только добр, он никогда бы не произвел столь глубокого впечатления. Лена всегда считала, что красивым людям чужды благородные качества в силу того, что любую свою проблему они могут решить, используя внешний вид, и наоборот – у тех, кого природа обделила, есть больше поводов к нравственному обогащению. Гармоничное сочетание красоты духа и тела ошеломяло.

Что касается самого Ильи Алексеевича, то этот мужчина тридцати трех лет от роду на протяжении своей жизни довольно небрежно относился к тому, как выглядит. Он не стремился нравиться людям, но, несомненно, всегда нравился,

даже не задаваясь вопросом, почему так происходит, почему люди почти сразу начинают обожать его? Илья Алексеевич не мог предположить, что дело в первую очередь в его внешности, ведь она никогда не значила для него нечто особенное.

Для окружающих Илья Алексеевич всегда был человеком, с которым с необъяснимой силой хочется находиться рядом. Самые разные люди одинаково сильно тянулись к Илье, едва видели его извиняющуюся улыбку, слышали приветливый голос, смотрели в добрые голубые глаза. Илья мог очаровать ребенка, старика, сверстника, сам того не осознавая.

Дети и животные особенно любили его. В их глазах Илья Алексеевич был словно светоч – средоточием силы, добра, чистой энергии жизни. Рядом с такими людьми всегда ощущаешь себя в безопасности, можешь расслабиться, раскрепоститься. Иные говорили, все дело в особенной энергетике, якобы в одной компании с Ильей люди пребывают словно в эйфории.

Сам Илья Алексеевич такими вопросами не задавался. Он вел себя естественно, не скрывал эмоций, не вел никакой стратегической игры ради личной выгоды. Искренен во всем и со всеми, чуждаковат, прост в общении, он легко располагал людей к себе – в этих простых вещах было его очарование. Через пару минут общения с Ильей хотелось выложить ему всю подноготную, открыть любую тайну, довериться без оглядки. Казалось, этот человек никогда не предаст, не обманет, не обидит.

Действительно, Илья Алексеевич был таким человеком, который по природе своего исключительного характера просто не умел предавать, лгать и обижать. И люди чуяли в нем эту неспособность к совершению зла, чуяли с первого взгляда и держались поблизости, доверяя Илье секреты, разделяя с ним свои переживания. Будто ждали от него, что он поделится своим добром с каждым. Будто его должно хватить на всех...

Стоит сказать, Вилин был достаточно наивен для своих лет, но именно это качество в нем ценили превыше всего. Он был неиспорченным человеком, а наивность эта проистекала не из глупости, а только из доброты, и заключалась в полной уверенности Ильи в том, что он ничем не отличается от остальных людей, словно бы все вокруг такие же честные и открытые, как он сам.

Ксения, его жена, была прагматичной молодой женщиной, способной как приютить уличного котенка, так и утопить своего собственного. Ее можно было бы назвать меркантильной, если бы кто-то рискнул это сделать. Практическая жилка в ней преобладала над всем остальным. Илья Алексеевич любил свою семью, но ровно в той степени, в какой положено любить всем людям, хотя его широкая душа была способна на более сильные чувства и изнемогала, не находя объекта, достойного проявления этих чувств.

Когда девушки ушли, Илья Алексеевич отправился добивать статью. Вдохновения не было совершенно, и он задумался, держа кисти над клавиатурой ноутбука. Не замечая, как мысли его плавно перетекают в длинные пальцы, мужчина начал печатать.

«Забавные они. Такие молодые, здоровенькие, веселые. Целая куча идей в голове. Так много думают, что им даже слов не хватает все это выразить. Я помню время, когда был в точности таким же. Я даже понимаю, что они сейчас чувствуют, в свои двадцать с лишним лет. Мир так огромен, но вряд ли он превышает объемы информации, заключенной в их голове. Молодость. За разговорами с ними я совсем забыл, что мне идет четвертый десяток. Другие заботы, другие мысли, другая жизнь... Но я? Я ведь все тот же? Все такой же, что был десять лет тому назад? Или нет? Как странно. Еще в двадцать пять я думал, что душой навсегда останусь двадцатилетним юношей. Я постарел не только телом, пора признать это. Как удивительно! Мы замечаем ход времени только в момент остановки. Убивает не быстрое падение, а внезапная остановка. Кто это написал? Внутри что-то мечется и не дает покоя. Я знаю, что буду ждать следующей недели, ждать, когда они придут. Молодая кровь. Болтать с ними мне было интереснее, чем с коллегами по работе. Так постарел я или помолодел?»

Илья Алексеевич встрепенулся, перечитал напечатанное и взъерошил себе волосы. Все это никоим образом не могло относиться к приютам для бездомных животных. Он отвлекся и уже не мог сосредоточиться на работе. Что-то тревожило и радовало его в одно и то же время. Он ощущал прилив энергии, которую ему не на что было тратить. Любое дело, за которое бы он ни взялся сейчас – слишком узкое русло для того цунами, что ему приходилось сдерживать внутри.

Ближе к ночи Лена призналась себе, что не может не думать об Илье Алексеевиче каждый миг. Новое знакомство занимало большую часть ее мыслей.

Девушка стала даже более задумчива, чем обычно, постоянно пропадая в своих воспоминаниях.

«Как здорово, что нас настиг этот сильный ливень! – написала она в тетради перед сном. – Что бы я делала сейчас, если бы не он? Замечательный дождь! Самый лучший дождь в моей жизни!»

Засыпая, Лунь чувствовала, что в любой момент готова подскочить и помчаться куда-нибудь. Она ворочалась и радовалась неизвестно чему, и ей казалось, что душа ее гораздо шире грудной клетки, и нет больше сил удерживать ее внутри себя.

Эта неделя до следующей встречи с Ильей Алексеевичем далась Лене тяжело, но о своих чувствах она никому и ничего не рассказывала, особенно Полине. Вскоре, правда, произошло кое-что, выбившее Лену из колеи настолько, что она временно забыла об Илье. Появилась мать.

Грязная, в каких-то рваных обносках, она была так пьяна, что еле держалась на ногах. Степа расплакался и выбежал во двор, когда женщина, не отдавая себе отчета, обматерила детей, затем ее вырвало в прихожей. После этого она, как ни в чем не бывало, вытащила из кармана несколько мятых купюр, швырнула их перед дочерью, прошла несколько метров в сторону кровати, упала на пол и отключилась.

Не рискуя подходить к матери, которая даже во сне продолжала бормотать нецензурщину, Лена первым делом сгребла с пола деньги. Разжав кулаки, она увидела несколько купюр в пятьсот рублей. Крупная слеза капнула на одну из них, скатившись по подбородку. У Лены задрожало нутро. Она вытерла слезы, спрятала деньги и вышла из дома, чтобы найти брата, хоть и понимала, что нужно убрать рвотные массы, пока они не начали засыхать. Но она просто не могла больше находиться в доме. Несколько минут наедине с матерью ей хватало, чтобы появилось желание больше никогда ее не видеть.

– Степа? Где ты?

Во дворе было темно.

– Я здесь.

Мальчик сидел на крыльце и всхлипывал. Лена села к нему, обняла и прижала к себе. Она не знала, что вообще можно сказать, чтобы его успокоить. Любой метод утешения теряет свою силу, когда в доме лежит пьяная мать, а детям предстоит туда вернуться.

– Почему? – спросил Степка. – Почему так, Лена? Почему все так?..

Девушка вздохнула. Непозволительно давать слабинку перед младшим братом, для которого она – единственная опора в жизни. И тогда Лена спокойным голосом рассказала мальчику об Иове. Слушая ее, он успокоился. Когда история была окончена, он спросил:

– Лена, но разве бог допустил бы такое, если бы он действительно был?

Лена не знала, что на это ответить. Все библейские притчи и истины хороши только до определенного момента, пока не начинаешь рассуждать логически. Для истинных верующих такого момента никогда не наступает – их вера слишком слепа, она не позволяет им мыслить здраво, сомневаться, критиковать, думать самостоятельно. Хотя на это способен даже ребенок, чей мозг еще не затуманен религиозными ловушками.

Отмывая пол, Лена в очередной раз задавалась вопросом: откуда мать берет деньги? Наверняка ворует где-то, или... или что-нибудь еще хуже. Почему она временами приносит их домой, а не тратит на выпивку? Неужели в ней осталась совесть, заговорило материнское чувство? В это не особенно верилось. Но стоит ли брать эти деньги? Тратить их? Не будет ли еще хуже?

Всю ночь дети лежали в своих кроватях и прислушивались, не проснулась ли мать. Обоим было страшно и противно, а Лене даже хотелось, чтобы мать не просыпалась уже никогда. Лишь бы не плакал Степа, лишь бы не переносить снова и снова этого душашего унижения. А наутро мать проснулась, ополовинила съестные запасы и сгинула так же неожиданно, как и явилась. Денег, которые принесла, не забрала. Наверное, забыла о них.

Только спустя полчаса после ее ухода Лена смогла вздохнуть спокойно. Этот момент наступил, но теперь все прошло. Можно жить дальше, морально настраиваясь на то, что рано или поздно она придет снова. Придет, но в любом

случае уйдет через время. Пока ее не было, о ней удавалось забыть, но ее появление было неизбежным, как проклятие.

На деньги, оставленные матерью, Лунь купила брату новые кроссовки для спортивных соревнований – белые с зелеными вставками и модной ребристой подошвой, от которой Степа пришел в восторг.

– Мне теперь все пацаны завидовать будут! – заявил он, бегая по двору в обновке.

Лена умилялась и старалась покупать как можно больше вкусного для брата, насколько это позволяли деньги. Часть зарплаты она откладывала на оплату счетов и непредвиденные нужды, но уже задумывалась о поиске нового места работы. Она нашла подходящую вакансию учителя русского языка и литературы младших классов, позвонила в школу, получила приглашение на совещание. Но с первого же взгляда Лена чем-то сильно не понравилась директрисе. Беседа была короткой. Женщина с укладкой, золотым зубом и нарощенными ногтями посоветовала девушке сначала окончить институт, а затем метить в учителя. В ее словах было столько яда и насмешки, что Лена едва удержалась от грубости. Но в последнее время ей удавалось держать себя в руках лучше обычного. Стоило только вспомнить доверчивые глаза Ильи Алексеевича, и настроение выравнивалось.

В университете вновь начались какие-то нелепые и неуверенные провокации со стороны студентов, благо, пресечь их ничего не стоило.

– Что, Лунева, нашла себе подружку по несчастью? – поправляя прическу, спросила Кристина.

Лена подняла удивленные глаза.

– Ну вы же с Викой нашли друг друга.

Девушка фыркнула.

– А с каких пор ты не боишься со мной разговаривать?

– Я никогда не боялась с тобой разговаривать, – небрежно ответила Кристина, изучая свои ногти. – Мне просто было противно.

– И что изменилось с тех пор?

– Да ты знаешь, вообще-то мне до сих пор противно.

– В таком случае ты сама себе противоречишь, ибо не я начала этот разговор.

– Мы с Викой ничего не забыли.

– Я тоже все прекрасно помню, – Лена поднялась из-за стола и шагнула вперед, Кристина скривилась и неохотно отступила. – Хотите повторить?

– Тебе это с рук не сойдет.

– Неужели? А может быть вам стоит не играть с огнем, а взяться за ум и готовиться к экзаменам и защите?

Кристина ушла, ничего не ответив.

– Что это было? – спросила Полина.

– Помнишь, я обещала тебе, что расскажу о былом конфликте с группой? Так вот...

Полина была шокирована, но отношений с Леной это не испортило. Ей просто не верилось, что подруга способна на агрессию. Девушки дружили по-прежнему крепко. В течение недели они и словом не обмолвились об Илье Алексеевиче и его семье. Лене приходилось держать себя в руках, чтобы не осыпать Полю вопросами, коих в ее голове накопилось уже приличное количество.

Глава 6. Признание и приглашение

«А женщина в расцвете своей жизни чувствует себя такой счастливой, такой красивой, что предпочитает всем мужчине огромной силы, не страшась, что он может ее сломать».

Оноре де Бальзак «Гобсек».

«Человек всегда надеется на чудо. Человек чудом живет, потому что ни для чего другого жить не имеет смысла».

С. Лукьяненко «Квази»

Наконец, ровно через неделю Полина подошла к Лене после пар и спросила:

– Лунь, ты же помнишь о приглашении?

– Что? – Лена сделала вид, что не поняла.

– Илья, мой дядя, звал нас к себе. По идее, сегодня.

– Да?! – Лена так искренне удивилась, что и сама бы себе поверила.

Она ждала этого дня так, как не ждет никто и ничего.

– Так что, пойдём?

Стараясь не терять самообладания, Лунь вежливо согласилась. Казалось, она вот-вот лопнет от предвкушения. В груди у нее плясал сгусток неукротимой энергии, норовящий превратиться в крик или прыжки по лестнице.

На этот раз Лена позаботилась о том, чтобы выглядеть лучше, чем в прошлый визит, после пробежки под дождем. Девушка подготовилась морально (что самое главное) и физически – привела волосы, ногти и брови в идеальное состояние, выгладила свою самую красивую белоснежную водолазку и темно-

синие облегающие джинсы, а сверху накинула короткую ярко-синюю курточку. Это были лучшие вещи ее гардероба, пусть и очень старые, но на ее фигуре они сидели как влитые.

Она не стала краситься, лишь тронула помадой губы, отчего они стали ягодными, сочными. Что-то подсказывало ей, Илья Алексеевич не любит яркого макияжа. Она и сама не любила этого. Глядя в зеркало, Лунь впервые за долгое время нравилась себе, но внешний вид был ни при чем. Ее глаза мерцали, отражая лишь малую толику того, что расцветало внутри нее.

По пути к дому Ильи Алексеевича Лена вела себя даже более естественно, чем обычно, но ей все равно казалось, что Поля ее подозревает. «Иногда она так смотрит, что... будто бы заранее обвиняет меня, – кусала губы Лунь. – Нужно было одеться, как обычно. Наверное, она обо всем догадалась. Думает, будто я хочу соблазнить ее дядю. Боже, как стыдно...»

Лена шла и тихо ненавидела себя. Ненавидела эту белую водолазку, синие джинсы, которые теперь слишком плотно, как ей казалось, обтягивали стройные ноги, ненавидела гладкие прямые волосы, восхитительно блестящие рыжим, золотым и медным под солнечными лучами. «Зачем мне все это, если лучшая подруга думает обо мне плохо?» – спрашивала себя Лунь и мечтала в те моменты стать самой последней дурнушкой, лишь бы Полина не заподозрила ничего плохого. Она просто хотела выглядеть уверенно, но теперь в этом виде ощущала себя, будто в самом развратном костюме на глазах у сотни человек. Лунь даже не замечала того, как изумительно выглядела на самом деле: мужчины выворачивали шеи ей вслед.

Показались черные кованые ворота. В груди отчаянно забились птица тревоги. Лена взяла себя в руки. «Сейчас я увижу его, увижу его. Я не должна быть печальна. Улыбнись, Лунь. Ты увидишь ЕГО. Спустя неделю мучений. Не бойся. Кому понравится, если ты будешь грустной? Ты ведь идешь сюда не ради того, чтобы вызвать у него жалость? Ты ведь ненавидишь жалость. Он должен восхищаться тобой!»

Девушки вошли во двор и почти сразу заметили Илью Алексеевича в окне дома.

– Смотри-ка, – засмеялась Полина. – Выглядывает нас!

Лена прокашлялась. Спазм сжал ей горло, она старалась улыбаться. Неделю она питала мужской образ исключительно своим воображением. Теперь он был перед ней наяву. И ни одна фантазия не могла сравниться с действительностью.

Полина помахала дяде рукой, тот махнул в ответ и скрылся. Пару мгновений спустя входная дверь распахнулась. На пороге в просторных черных брюках и черной же водолазке показался Вилин. Одежда замечательно подчеркивала его рослую фигуру, прямую осанку и узкие бедра. Лена залюбовалась, забыв поздороваться.

– Приветствую, – задорно произнес мужчина, скрестив руки на груди.

– Добрый день, – слабо кивнула Лена.

– Я как раз ждал вас, даже чайник поставил. Как будто предчувствие. У вас такое бывает?

– Что это ты так небрит, Илья? – спросила Полина.

Девушки вошли в дом, хозяин закрыл за ними дверь, второй рукой задумчиво ощупывая заросшие щеки и подбородок. Щетина у него росла так же обильно, как и волосы на голове.

– Быть журналистом, – начал он, – это значит, большую часть времени не следить за своим внешним видом. Проходите на кухню, я сейчас.

– Ты ведь не бриться пошел, я надеюсь? – усмехнулась Полина.

В ответ Илья заразительно засмеялся уже откуда-то из другой части дома.

«Как ему идет, боже, как же он изумительно хорош, – кусала губы Лунь. – Черная одежда, щетина, длинные волосы назад. Лишь бы не сказать вслух ничего лишнего!»

Илья вернулся быстро и сразу предложил гостям сладкое к чаю.

– Полин, посмотри вон в том ящике, я покупал вчера печенье и конфеты, вытаскивай все! Лунь, Вы будете что-нибудь?

– О, я, нет-нет, я просто – чаю.

– Все она будет, – весело заявила Полина, вытаскивая конфеты. – Не хочешь – заставим!

– Лунь, Вы не любите сладкое или это просто вежливость?

Девушка смутилась от того, насколько открыто и прямо смотрел на нее Илья Алексеевич, и не нашла, что ответить. Она подумала, что не должна стесняться так часто, иначе и эта естественная реакция станет поводом для подозрений.

– Если Вы настаиваете, – согласилась она слегка кокетливо.

– Другое дело.

Илья Алексеевич уже разливал заварку в кружки из небольшого чайничка.

– Я нашел у нас дома самые глубокие кружки, – рассказывал он, – чтобы лишний раз не прерывать разговора. Вы обе сегодня чудесно выглядите. Расскажите мне, как прошла ваша неделя? Должен признаться, я скучал по нашим посиделкам...

Как всегда, слово подхватила Полина. Пальма первенства принадлежала ей по праву родства с Ильей, но Лену это устраивало. Она бы просто не сумела подобрать нужных слов, если бы ей пришлось говорить первой. Илья Алексеевич, как и в прошлый раз, был добродушен и даже ласков. Этот высокий небритый мужчина пил с ними чай и то и дело с умилением и улыбкой поглядывал на девушек своими детскими глазами, приподнимал брови, шутил, смеялся так, что пухлые губы обнажали два ровных ряда зубов, особенно белых на фоне густой щетины. Лена обратила внимание, что брови у него тоже были густые, темные и длинные, их форма подчеркивала глаза.

Слово за слово, разговор побежал как-то сам по себе. В этом плане в компании с Ильей никогда не было проблем. Он задавал ненавязчивые вопросы и с радостью рассказывал что-то о себе. Не было и не могло быть ни одного неловкого момента, ни одной напряженной паузы. Лена чувствовала себя просто прекрасно, позабыв о своих переживаниях в отношении Полины и о своем внешнем виде. Ей было спокойно и уютно здесь, даже в большей степени, чем неделю назад. Лунь уже не переживала и не тряслась, а наслаждалась присутствием Вилина, возможностью общения с ним. Ее душа уносилась куда-то далеко, а по телу разливались сладость и легкость.

«Я вижу его, я рядом с ним. Мы разговариваем. Иногда он даже заглядывает мне в глаза, и я не отвожу взгляда. Как мне хорошо. Это лучший день в моей жизни. Лучший. Лучший. Неужели и дальше все будет так? От него как будто лучи добра тянутся, пронизывают, греют...»

– А я вот целых три дня учился ездить на велосипеде, – рассказывал Илья Алексеевич (непонятно, кстати, как разговор вообще повернул в русло детских воспоминаний). – Мне тогда около восьми лет было. Говорят, мальчики с этим лучше справляются, чем девочки. Полная чушь! – засмеялся он. – Дворовые мальчишки сели и поехали, а я все не мог, злился... Сейчас даже вспоминать стыдно. И как я вообще получил водительские права?

– А я так и не научилась, – Полина надула свои пухлые губки и подперла голову рукой. – Но хотелось бы.

Лене почудилось в этом что-то фальшивое, будто подруга флиртowała со своим дядей. Неожиданно ее уколола ревность. «К чему это она так? Зачем?»

– Я в молодости увлекался велоспортом, – признался Илья Алексеевич.

– Можно подумать, ты сейчас старик, – засмеялась Полина, опять излишне лукаво. Вилин этого словно не замечал.

– Нет, но все же... Понимаю, что годы уже не те, жизнь утекает сквозь пальцы, а добиться чего-то великого, о чем каждый мечтает в юности, так и не удалось.

– Почему же не удалось? – спросила Лунь. – Вы ведь любите свою работу, у вас есть семья. Это многого стоит.

Илья посмотрел на нее, и Лене показалось, на одно крошечное мгновение в его добрых глазах проснулась тоска. Девушка закусила губу, испугавшись, что могла обидеть его чем-то, о чем даже не догадывается.

– Вы правы, Лунь.

Лена поняла, что он хотел бы сказать гораздо больше, но не стал. Неожиданно Полине позвонили, и все вздрогнули от резкого звука.

– Боже, я так перепугалась, – сказала она и достала сотовый, – ох, извините, я выйду на минутку.

– Конечно, давай.

Полина вышла. Лена и Илья Алексеевич переглянулись, услышав, как хлопнула входная дверь.

– Наверное, очень важный звонок, – сказал он.

– Да, вероятно.

Лена прочистила горло. К такому повороту событий она была совершенно не готова и даже как-то не предполагала, что настанет момент, когда она останется с Ильей наедине. Она не знала, что делать, и просто смотрела на него. Он тоже смотрел на нее своим добрым, располагающим взглядом, затем его губы чуть растянулись в мечтательной улыбке.

– Есть у Вас хобби, Лунь?

Его вовсе не смущало, что они остались наедине, что исчез единственный скрепляющий их кирпичик.

Лене хотелось кричать, но вместо этого приходилось кое-как поддерживать диалог, стараясь не разочаровать мужчину, который так ей нравился.

– У всех есть какие-то увлечения.

– Чем же интересуетесь Вы? – вежливо поинтересовался Вилин, машинально прикасаясь к щетине на подбородке.

И в этот момент Лена поняла, что не сумеет лгать.

– Я никому и никогда об этом не рассказывала, – призналась она почти шепотом, облокотившись о стол и подавшись вперед, – даже Полина не знает. Никто не знает этого обо мне.

«Я должна говорить быстрее, пока она не вернулась. Просто расскажи ему все. Не сомневайся».

– Понимаете, я просто стесняюсь говорить об этом с кем-то... Мне кажется, это такая глупая, детская мечта, и надо мною просто посмеются.

– О, нет, ну что Вы, я ни за что... Неужели Вы доверитесь мне? – удивился он.

Лена кивнула. Она действительно хотела, чтобы он знал об этом. Знал ее тайные мечты и стремления. Он просто обязан знать о ней все.

– Я хочу... писателем быть, – выпалила Лунь, удивляясь себе. – Сама не знаю, откуда во мне столько смелости сейчас – признаться кому-то в этом. Я мечтаю, я больше всего на свете мечтаю писать книги! Не описать словами, как я этого хочу. Уже много лет я занимаюсь тем, что...

Хлопнула входная дверь. Лена прервалась, растерянно заморгала и смутилась. Илья смотрел на нее ошеломленно, слегка нахмурившись. Вот-вот в комнату должна была зайти Полина.

– В общем, в конечном итоге они просто подрисовали друг другу усы в студенческих билетах, и на этом успокоились, – заговорила Лена, чтобы подруга не обнаружила их в странном молчании, уставившихся друг на друга так, будто впервые видят.

Сначала Илья Алексеевич будто ничего не понял, но тут же подыграл:

– Да-да, у меня был подобный случай, когда я учился в институте, – засмеялся он, с прищуром осматривая собеседницу.

Вошла Полина, и они посмотрели на нее. Девушка была чем-то расстроена. Даже в том, как она села за стол, в ее движениях прослеживалась нервозность.

– Что-то случилось? – спросил Илья.

– Да-а... так, мелочи жизни. Впрочем, сразу скажу. В следующий раз я не смогу прийти. Мне очень жаль. Появились дела, которые никак нельзя отложить.

Илья Алексеевич посмотрел на Лунь, а Лунь посмотрела на него. Если бы Полина это заметила, она бы точно подумала, что в ее отсутствие произошло что-то подозрительное.

– Сейчас, извините, допишу сообщение и уберу телефон, – сказала она.

Лена смущенно отвела глаза. Внутри нее все ликовало. «Он подыграл мне! Подыграл! Он понял, что я не хочу, чтобы Полина знала об этом! Я выдала ему все без колебаний. Никогда и никому не рассказывала о своей мечте, а ему... почему-то не побоялась».

С Ильей Алексеевичем Лена была безоговорочно чиста. Даже с Полиной зачастую обдумывала, что сказать, а тут – просто говорила все, что приходило в голову. Иначе у нее не получалось, ведь рядом с ним девушка теряла над собой контроль, к тому же его характер располагал людей к искренности.

Теперь о том, что Лена пишет, знал еще один человек, кроме нее, но это не заставляло ее волноваться. Илья не расскажет никому, даже по секрету. С этого момента у них была тайна, одна на двоих, и это укрывательство объединяло, роднило. Лене безумно нравилось это ощущение. Вся она была полна сладостного предчувствия, оно томило и мучило ее.

Никто не стал спрашивать Полину, кто ей звонил и что расстроило ее, наоборот, всеми силами старались отвлечь девушку и развеселить. Илья Алексеевич припомнил несколько смешных историй из своей юности, и Полина, не выдержав, расхохоталась, позабыв о неприятном звонке. Через десять минут

она отошла в уборную. Уловив момент, Илья Алексеевич заговорил негромко:

– Так Вы пишете, Лунь? Скажите мне, да или нет?

– Да... пишу... и только в этом я нахожу для себя гармонию с миром.

– У меня тоже есть кое-что, о чем больше никто не знает, – признался мужчина. – Я бы хотел... хотел рассказать об этом Вам. Если Вы захотите меня выслушать.

– Я?

– Лунь, приходите одна.

Лена решила, что ослышалась.

– Сюда?

– Да, сюда, на следующей неделе. Приходите одна. Мы с Вами все обсудим.

– Одна? – все еще не верилось Лене.

– Именно. Придете, Лунь?

– П-приду.

У Лены пылало лицо, и не только оно. Она не совсем верила в реальность происходящего. Вернувшись, ни о чем не подозревающая Полина взглянула на часы и очень удивилась.

– Ого! И когда успело пройти два с половиной часа? Подумать только!

– Да, нам, наверное, нужно идти, – извиняющимся голосом сказала Лена.

– Что ж, время снова пролетело, как одно мгновение. Ничто не вечно под луной, да? Мне было приятно в вашей компании, Лунь, Полина. Я замечательно провел время. Теперь мне будет лучше работаться.

– Надо идти, пока не начало темнеть, – сказала Поля. – Тем более, скоро вернется Ксюша, надо будет забирать Глебушку из детсада...

– Семейные хлопоты, – кивнул Илья.

Пока он провожал их, Лена шла на подгибающихся ногах. Она так переволновалась, что забыла попрощаться с хозяином дома и по пути была молчалива и рассеянна.

– Что-то случилось, Лунь? – несколько раз обеспокоенно спросила Полина.

– Нет-нет, все нормально, – отмахивалась Лена, понимая, что это не похоже на правду, и им обеим это известно.

Она еще не разобралась, что на самом деле означало приглашение Ильи Алексеевича, хотел ли он поговорить с ней или нечто большее, но ничего не сказала подруге, потому что понимала – Илья не хочет, чтобы кто-то, кроме них двоих, знал об этом. Значит, у него есть на то причины. И она не в праве нарушать эту условность.

Лена передвигала ноги, ощущая, как у нее в буквальном смысле голова идет кругом от происходящего. «Это и есть стремительное развитие событий?» – спрашивала она себя. Ей не верилось, что это правда. Илья Алексеевич, примерный семьянин и самый добрый человек на свете, не мог позвать ее к себе домой, чтобы провести с ней время наедине. «Наедине», – томительно крутилось в голове. Через неделю они проведут время наедине, и он сам этого захотел. Лена могла только мечтать об этом, а он выступил инициатором. Как прожить эту неделю и не сойти с ума?

Сердце девушки колотилось, качая кровь, приливающую к щекам и шее. «Приходите одна». Лунь вспоминала, как он это произнес, и ей становилось дурно. Но потом она вспоминала о Полине, о семье Ильи, которую даже не видела, и испытывала стыд. Непонятно, за что, но испытывала. Всего лишь за две встречи Илья Алексеевич занял самое главное место в ее жизни. В девушке поселилась надежда на лучшее. У нее наконец-то появился шанс коренным образом изменить все, и она его обязательно использует.

Неясно, откуда в ней взялась такая целеустремленность, но Лена планировала несмотря ни на что сблизиться с Ильей, насколько это возможно. Этот безумный план шел вразрез с нравственными установками девушки, диктовал ей новые правила бытия, но она не имела сил от него отказаться.

## Глава 7. Злость и лихорадка

«Когда к человеку приходит счастье, человек становится красивым. Так всегда бывает!»

Н. Нароков «Могу!»

Да, сама того еще не понимая, Лена уже начинала строить какой-то план относительно Ильи Алексеевича. Не вполне осознанные размышления все больше укоренялись на благодатной почве только что рожденного чувства. Что за план, какие размышления – сформулировать было трудно. И если бы девушку прямо спросили, не собирается ли она добиваться Ильи Алексеевича всеми возможными методами, не планирует ли она увести его из семьи, Лена бы испугалась этих вопросов и запротестовала, оскорбленная до глубины души.

Она понимала, что в ней зреет что-то нехорошее, но этот замысел был так смутен и расплывчат, что не вызывал серьезных опасений или угрызений совести. В то же время Лена говорила себе: «Да ведь я люблю его, я – люблю, и это совершенно точно! Разве любить – это плохо? Разве влюбленное сердце способно желать кому-то зла?..»

Да, она, наконец, нашла мужество признаться себе самой в тех чувствах, которые уже вторую неделю душили ее. Трудно было не понять, что с ней происходит, ведь куда бы она ни взглянула и о чем бы ни подумала, она вспоминала о высоком стройном brunete с глазами ребенка.

Лена стала рассеянной и часто улыбалась сама себе, о чем-то задумавшись. Во взгляде ее поселилась робкая мечтательность, тень улыбки не сходила с

очаровательно полных губ. Девушка смотрелась в зеркало и не узнавала себя – там не было прежней Лены, не было и в помине. Легкий румянец, мерцающие глаза, непривычно лежащие волосы. Она вдруг казалась себе красивой и была удивлена преображению. Неужели она была такой всегда?..

«А что, если я ему нравлюсь? – думала девушка, и ей становилось жарко. – Что, если мы с ним могли бы...»

Закончить мысль ей было стыдно и страшно.

«Я влюблена! – писала Лена в тетради перед сном. – Как это волнительно! Словно мне снова пятнадцать лет, и я... совершенно себя не контролирую. Но как же он хорош! Как необыкновенно в нем сочетается все самое мужественное и – добродушие, приветливость, порою даже робость, смущение...»

Лена вновь принялась за поиск работы по профессии, но отовсюду сыпались лишь отказы – нет опыта, нет законченного высшего, вы нам не подходите... К неудачам девушка теперь относилась оптимистично. Прошло стороной, значит, так необходимо. Невозможно быть недовольным жизнью, когда влюблен, и весь мир кажется тебе созданным в твоём цветущем сердце. Лена не могла расстраиваться, пока помнила об Илье Алексеевиче и о предстоящей в скором будущем встрече с ним наедине, а она помнила об этом каждое мгновение.

Удивительно, как преобразилась ее жизнь. На самом деле, жизнь осталась прежней, преобразилось лишь восприятие. Известно, что мир таков, каким мы его видим, и не более того. Действительность определяется нашими чувствами. Постигая ее, мы же ее и формируем.

Лена так часто думала об Илье Алексеевиче, что почти забывала обо всем ином. Поэтому, когда за день до назначенной встречи дома появилась мать, девушка удивилась так, словно видела ее первый раз в жизни. Она действительно успела забыть об ее существовании и тем более не предполагала, что та явится снова так скоро.

Лунь была необыкновенно похожа на мать, похожа до такой степени, что кроме внешнего сходства иногда замечала за собой аналогичные черты характера: вспыльчивость, гневливость, нервозность, недовольство жизнью, склонность к депрессии... и это пугало ее. Если бы мать, Валентина, не выглядела так плохо

из-за алкоголя, сигарет и беспутной жизни в пьяном угаре, ее с дочерью могли бы принимать за сестер.

Степы как раз не было дома, ушел на тренировку по баскетболу, поэтому, услышав открывшуюся дверь, Лена сначала подумала, что вернулся брат, и с улыбкой выбежала в коридор. Там, держась за стену одной рукой, стояла мать. Маска радости застыла на лице Лунь, стягивая кожу, как засохшая глина.

– Чего уставилась? – страшным голосом спросила Валентина, делая неуверенный шаг. – Подошла бы, помогла матери, отр-родье...

Лена стиснула зубы. Ей стало не по себе, будто кто-то неизвестный вот-вот должен был нанести ей несколько ножевых ранений.

– Зачем ты пришла? – голос сорвался от страха и брезгливости.

Она готова была вытолкнуть мать из дома и закрыться изнутри, но ни за что бы не сделала этого. Она боялась и ненавидела ее, и одно чувство проистекало из другого.

– Тебе какое дело вообще? Это мой дом, ясно тебе, иждивенка?

У Лены непроизвольно сжались кулаки. Валентина тем временем стала осматривать коридор, слегка пошатываясь. Глаза у нее были мутные, страшные, волосы кое-где свалялись, так давно их не расчесывали.

– Ну что, – сказала она надменно-пьяным тоном, – сколько успела сюда привести, пока родная мать пропадала?

– О чем ты говоришь?

Мать засмеялась тем смехом, когда человек знает, что его обманывают.

– Ну вот только не надо всего этого, да?

– Чего – всего? Мама, говори прямо.

У девушки уже дергалось веко. Она ожидала чего-то самого мерзкого. И предчувствие ее не подвело. Валентина скривилась и приложила руку к сердцу.

– Мужиков, говорю, много успела поприводить?

Лунь так растерялась, что даже забыла, как говорить. Каждый раз, когда она общалась с матерью, ее не оставляло мерзкое ощущение, будто ее пачкают гнилыми рыбьими потрохами... Женщина приняла молчание как признание безоговорочной вины.

– А мне все-е про тебя рассказали... Вот мало я тебя в детстве лупила!

Она проговорила это таким развязным голосом, какой бывает лишь у пьяниц, и при этом самодовольно улыбалась. Лена обледенела от этих слов.

– Ты была меня достаточно, – кое-как выдавила она. – Кто сказал тебе такое обо мне?..

– Райка. Она все видела. Своими глазами, да. А ты не промах, доча. Пользуешься ситуацией. Молоде-ец!

Райка была соседкой, живущей в самом начале улицы. Зачем ей вздумалось плести о Лене такие вещи, известно было только богу.

– Тебе солгали.

– Рассказывай больше! Кому я, по-твоему, поверю? Тебе, что ли? Да мне на самом деле плевать, хоть СПИДом заразись. Я за деньгами пришла.

– Какими деньгами?

– Не прикидывайся дурой. В прошлый раз я тут оставила деньги, сейчас они мне нужны!

– Но я их потратила.

– Потратила? Потратила! Нет, вы на нее посмотрите. Как ты посмела их потратить? На что ты вообще могла их потратить? – мать трезвела прямо на глазах.

– Я купила Степе кроссовки... Старые уже давно протерлись... и...

– Что ты там мямлишь? Степе? Кроссовки? На кой черт ему кроссовки? Врешь! На что деньги спустила, говори!

– Я Степе купила кроссовки, клянусь!

– Клянется она, сволочь неблагодарная... Ну и где они? Где кроссовки? Что-то я их не вижу.

– Он ушел в них на тренировку.

– Ты, конечно, ври-ври, да не завирайся. Я что, должна поверить в это?

– Я тебя не заставляю. Но денег нет.

– Нет денег? – взывала мать. – Хорошо! А если денег нет, я тогда вот это заберу, да? Продам – и деньги появятся!

С этими словами Валентина нагнулась и подняла тяжелые зимние ботинки на меху, что стояли у стены. Это были ботинки Стены, в холодные дни он все еще обувал их, потому что другого не было. Лена бросилась к матери и вцепилась в ботинки. Мать тянула обувь на себя.

– Поставь их на место! Поставь!

– Отпусти, зар-раза!

Они принялись бороться, но силы были равны, и получалась толкотня на одном месте с перетягиванием на несколько сантиметров.

– Я тебе не позволю и это унести!

– А ну отцепись, говорю! – рывкнула мать и резко дернула ботинки на себя и вверх.

Раздался глухой удар. Лена вскрикнула и схватилась за лицо обеими руками. Толстая ребристая подошва со всего маха угодила ей прямо под глаз. Лена быстро ощупала место удара и посмотрела на пальцы – слезы, грязь, немного крови. Валентина была уже в дверях, воспользовавшись замешательством дочери, и смеялась.

– На кого ты похожа! Дура! – крикнула она и вышла из дома нетвердой походкой, прижимая отвоеванные ботинки к груди.

Лену трясло от боли, обиды и унижения. Конечно, она не стала догонять мать. В тот момент она была уже неспособна на решительные действия и не смогла бы отнять у матери ботинки. Лена села на пол и беззвучно зарыдала. Нужно было как можно скорее промыть и обработать пульсирующую рану под глазом, но только по прошествии нескольких минут девушка смогла подняться и здраво оценить ситуацию.

Лена боялась посмотреть в зеркало, но ей пришлось это сделать. В висках стучала боль, сводя зубы. Кровь уже успела свернуться, смешавшись с мокрой землей с подошвы. Лена бережно омыла место удара холодной водой. На коже остался крупный кровоподтек. Прикоснуться к нему было больно, но Лена уверенно смочила ватку в спирте.

В последнее время ее лицо получало слишком много травм. Такими темпами оно скоро могло покрыться шрамами. Симпатичной девушке такая перспектива совершенно ни к чему. Однако обстоятельства складывались вне зависимости от желаний Лены. Ей снова стало невыносимо жаль себя. «За что же все это мне, господи? Что я делаю не так? Почему именно я? Когда это кончится? Почему она ненавидит меня?» Но ответов не было и не могло быть.

Постепенно глаз начал заплывать, а кожа под ним – стремительно синеть. Даже моргать было больно. Лена позвонила на работу и отпросилась на сегодняшний вечер, сказав, что отравилась. Тетя Тома посоветовала ей выпить активированного угля.

Девушке хотелось плакать, но даже это делать было больно, поэтому она не стала. Снова пошла к холодильнику, достала лёд, привычно уже завернула в платок и приложила к лицу, села в кресло, в каком-то оцепенении уставившись в стену. И только потом осознала всю катастрофу, которую нанес ей этот удар ботинком по лицу.

«Да ведь я же не смогу в таком виде пойти к Илье Алексеевичу!» – поняла она и подскочила на ноги. И в следующий миг – вновь затряслась всем телом, схватившись за лицо, завывала.

Боль души и боль тела перемешались, слились воедино, и нельзя было разграничить их. В отчаянии Лена несколько раз пнула кресло, ушибла ногу, смахнула со стола лампу и книги, ударила по нему кулаками.

– За что?! – требовательно закричала она, непонятно к кому обращаясь. – Почему я?! Мне был дан ТАКОЙ шанс! И теперь я не могу им воспользоваться! Не могу! Будь ты проклята! Будь проклята! Спейся и умри, наконец!! Господи... – опомнившись, она испугалась своих же слов и бессильно рухнула в кресло. – Господи... зачем ты оставил меня?..

Слезы иссякли быстрее, чем обычно. Остался только гнев, обращенный, как энергия взрыва, сразу во все стороны от источника. Через время Лена поднялась и как раненый зверь заметалась по дому.

«Может быть, все еще пройдет за сегодня-завтра? Нет, не пройдет, станет только хуже. Но что же делать, что мне делать? Я не могу не пойти! Он позвал меня, побыть наедине, поговорить... А я – не приду? Я не могу не прийти. Ведь он будет ждать... Илья будет ждать меня! Прийти с синяком на лице? К мужчине, которого любишь, которому хочешь понравиться? Чтобы он увидел этот кошмар, начал жалеть меня и расспрашивать? Лучше умереть! А что, если попытаться замаскировать?.. боюсь, не выйдет... ах, господи, почему это случается именно со мной?.. Милый Илья Алексеевич! Если бы Вы только знали... как же мне быть? Не идти – решено. Что он подумает? Решит, что я пренебрегаю им специально или... или вообще забыла о нем! Он решит, что я его игнорирую. Это оттолкнет его... какая нелепость... Если бы он только знал, как я мечтаю об этой встрече! Об этом разговоре наедине!»

На следующий день действительно стало хуже. Лицо опухло сильнее, область вокруг глаза посинела. Лена не могла смотреть на себя в зеркало, не могла спать на боку, только на спине. Ей вновь пришлось пропустить занятия. Несколько раз ей звонила Полина, но Лена не брала трубку. Она не хотела ни врать подруге, ни говорить правду, поэтому избегала разговора, оставаясь наедине со своими мыслями, которые пожирали ее рассудок. Во всем она винила мать. Ей представлялось, словно та специально ударила ее по лицу, чтобы на дочь никто не посмотрел. И попала прямо в точку.

Но Полина беспокоилась не на шутку. Лена не пришла в университет, не предупредив ее, а теперь еще и не выходила на связь в течение всего дня. «Значит, у нее что-то случилось», – рассудительно решила Поля и после занятий отправилась напрямик к подруге домой, чтобы все разузнать и предложить свою помощь, если нужно. Девушка из благополучной семьи ожидала увидеть что угодно, но только не то, что ей пришлось увидеть. Опухшая, синяя половина лица, подплывший глаз...

– Боже, Лунь, кто это сделал с тобой? – воскликнула она с порога.

Лена поняла, что врать не имеет смысла.

– Вчера приходила мать. Унесла ботинки Степы, чтобы пропить.

– Это она тебя? Ударила?

– Можно и так сказать. По крайней мере, она не пожалела.

– Как же так, Лунь, ведь это твоя родная мать!!!

Полина пребывала в ужасе, застыв на месте с расширенными глазами. То, что происходило, никак не укладывалось в ее системе мировидения. Такого просто не могло происходить в том мире, в котором она привыкла жить.

Лена взглянула почти с ненавистью.

– Спасибо, что напомнила, – процедила она сквозь зубы. – Я ей об этом обязательно скажу при встрече!

– Господи, но так не должно быть! Это же просто... просто кошмар какой-то! Чтобы мать била своих детей, уносила вещи из дома... Бедная, бедная моя Лунь! – в голосе Поли было столько искреннего сострадания, что Лена разозлилась.

– Хватит! Не надо меня жалеть! Мне тут не нужна вся ваша жалость! Она ни в чем мне не поможет! Она не исправит мою жизнь!

– Что с тобой, Лунь?

– Что со мной? Не видно, что ли?!

– Не кричи ты так.

– А не надо меня жалеть, словно я калека!

– Лунь, успокойся...

– Нет! Зачем ты пришла? Уходи отсюда! Ты не должна была этого видеть! Разве неясно, что я специально избегала разговора с тобой, чтобы ты ничего не знала! Моя жизнь убога, я ЗНАЮ это, спасибо, что напомнила! Любая жалость оскорбляет меня.

– Лунь, я... я не заслуживаю такого отношения, – ошеломленно проговорила Поля.

– А я?! – закричала Лена, не сдерживаясь. – Я! Я заслуживаю ТАКОГО отношения, а? – и она указала пальцем на свой опухший глаз, затем отошла к окну и демонстративно повернулась к подруге спиной.

«Она расскажет Илье Алексеевичу!» – подумалось ей, и эта мысль испугала ее.

– Мне уйти? – тихо спросили позади.

– Да, – сухо ответила Лена.

Шаги. Стало тихо.

Несколько минут девушка возвращалась в свое обычное состояние. «Да что же она мне сделала? За что я с ней так жестоко? Я не должна вымещать свою обиду на ней! Она и правда не заслуживает этого!»

Лена накинула куртку, выскочила на улицу и побежала в ту сторону, куда могла уйти Полина. Она быстро догнала ее.

– Поли!

Рыжеволосая испуганно оглянулась. Лена подбежала к ней и обняла. Полина не сопротивлялась, но и не обнимала в ответ, расставив руки в стороны.

– Прости меня! Прости, прости...

– И ты меня прости.

– Ох, Поля, что ты говоришь, за что тебя прощать? Только я виновата. Я иногда себя в руках не держу... Ты уж не обижайся на это сильно. Жизнь у меня такая – нервная.

– Прости за то, что лезу, куда не надо. Делаю тебе больно тем, что не могу этого до конца воспринять, поверить не могу...

– Полина... никому не рассказывай, умоляю тебя! Твоя семья...

– Не скажу. Не переживай.

– Идем ко мне, – Лена потянула подругу за рукав. – Вернемся. Поговорим.

– Хорошо. Лунь, ты должна сделать ради меня одну вещь. Сделаешь? Это несложно.

– Все, что угодно.

– Завтра же иди в больницу и покажись хирургу. Это выглядит ужасно и нуждается в помощи специалиста. Ты пообещала, и ты пойдешь.

– Ладно, – без энтузиазма согласилась Лена.

В самом деле, она сходила в больницу на следующее утро. Врач прочитал ей целую лекцию о вреде самолечения и пользе своевременной медицинской помощи. Размеренно и дидактично поучая пациентку, он одновременно накладывал ей шов в том месте, где кожа разошлась, чтобы не осталось рубца. Разумеется, предварительно был сделан укол местной анестезии. Шов получился совсем маленький, и хирург заклеил его заживляющим пластырем. Затем сел за стол и начеркал что-то на бумажке.

– Вот этой мазью, – сказал он, – каждый день – на ночь. С утра – снова пластырь. Только ночью можно без него. Спать на спине.

– Шрам останется?

– Будешь мазать – не останется. Свободна.

Чтобы купить мазь, Лене пришлось залезть в отложенные деньги. Стоила она, впрочем, не так дорого по нынешним меркам, но и это уже было ударом по их с братом скромному бюджету. И удар этот нанесла им родная мать.

Девушка решила позвонить Владимиру Александровичу, поговорить и оправдаться в прогулах, количество которых уже начинало беспокоить наверняка не ее одну.

– Что там у тебя случилось, Леночка? Опять мать? – догадался директор, хорошо знакомый с семейным положением любимой студентки.

Выслушав историю целиком, он сказал:

– Ты, главное, не переживай. Я с преподавателями поговорю. Мажь этой своей мазью – до свадьбы авось заживет! Колоссально заживет! Будешь еще красивее, чем прежде!

Слушая эти его «колоссально» и «исключительно» на каждом шагу, Лена смеялась и даже немного плакала, но совсем чуть-чуть, чтобы Владимир Александрович не услышал и не поругал ее за слезы, пусть это и были слезы радости. Затем девушка позвонила тете Томе и пообещала завтра быть – кровь из носу. Не скрывая недовольства, женщина засопела и предупредила, что если Лена завтра не появится на рабочем месте, то замену ей найдут быстро.

Это был тот самый день, на который Илья Алексеевич назначил Лене визит. «Лунь, приходите одна», – попросил он почти шепотом, доверчиво глядя ей в глаза.

«Может быть, не поздно одуматься? Может, пойти прямо так? С пластырем на лице! Смешно! Нет, нет, я должна остаться дома. Он не увидит меня такой... ни за что на свете».

Ближе к вечеру с Леной начало происходить нечто страшное. Она не могла думать ни о чем другом, кроме упущенной возможности побыть с Вилиным вдвоем, и это сводило ее с ума. Девушка то бродила по дому, словно тень неупокоенной души, то стремительно металась, как загнанный зверь. У нее начался жар, и нервная лихорадка била все тело.

«Вот сейчас, сейчас, – размышляла она, поглядывая на настенные часы, и ей хотелось смеяться от безысходности, – я сейчас могла бы прийти к нему. Да, сейчас я могла бы одна стоять у ворот его дома. У открытых для меня ворот. И он был бы в доме – один. Он ждал бы меня. Точнее, он и так ждет сейчас. Но я не пришла. Не пришла! И почему? Он не знает. Зато я знаю. Как это мучительно!» – чуть не вскрикивала она и опрокидывала какую-нибудь вещь, не замечая ее на своем пути.

«А сейчас я бы открыла ворота и вошла во двор. И мне стало бы волнительно и страшно. Ведь впереди – время наедине с ним. Час? Несколько часов? Все равно! Я бы не заметила, как пролетело это время. Я бы очень переживала о том, что буду говорить ему, что будет говорить мне он, и чем мы будем заниматься. Я бы думала о том, как я выгляжу. И мне бы обязательно казалось, что выгляжу я ужасно. Да! Я бы посмотрела на окно – нет ли его там, не выглядывает ли он меня? Возможно, я бы увидела его лицо за стеклом. Его лицо... Почему-то мне кажется, он был бы небрит. Обязательно небрит. Почему? Не знаю! Писал бы свою статью и забыл побриться, как обычно... Он так рассеян и так мил... Он вышел бы мне навстречу, весь в черном, как в тот раз. Какая восхитительная

фигура! Я бы подошла к нему и подняла голову, чтобы заглянуть в его добрые детские глаза... И он бы сказал мне: «Здравствуйте, Лунь. Я ждал Вас. Проходите». И подал мне руку. О, эти руки! Эти длинные идеальные пальцы!»

«Она все время портит мне жизнь. Как я могу любить ее, за что? Это грешно? Грешно не любить свою мать? Но она меня тоже не любит. Она никого не любит, кроме себя. Мы не нужны ей!»

«Сейчас мы могли бы сидеть на кухне за чаем. Или в гостиной на диване. Рядом. Наедине. О, я бы неотрывно смотрела в его глаза! Пусть думает и делает, что хочет, но я бы смотрела на него так, как не могла смотреть в присутствии Полины! Я бы ничего не смущалась, я бы...»

«Это она, она лишила меня такого шанса, она специально это сделала, она знала... Откуда она могла знать? Она чувствовала. И ударила меня, чтобы мне насолить, конечно! Ведьма. Сволочь».

«... он бы тоже сидел и смотрел на меня. Возможно, некоторое время мы бы не говорили ни о чем, а может, и наоборот, разговор завязался бы живой и быстрый.

– Лунь, я пригласил Вас затем, чтобы... – сказал бы он, слегка смущаясь.

Я бы смотрела в это мужественное лицо и умилялась, слушая каждое слово.

– Зачем же? – спросила бы я тихо.

– Есть кое-что, что я скрываю ото всех, – признался бы он.

– Почему Вы хотите рассказать мне об этом?

О, я знаю, что на этот вопрос он ответил бы такое, что перевернуло мою жизнь! Почему я не там? Почему же я не там, не рядом с ним?»

Лене казалось, что она сходит с ума. Ее бил озноб, непрерывно хотелось смеяться, и невозможно было сидеть на одном месте. В голове у нее прокручивались сцены не случившегося события – события, которое стало бы

переломным. Слова, взгляды, фразы, прикосновения... Ничего этого нет на самом деле – все только в голове! Лена бредила в какой-то лихорадке. Такое было с ней впервые в жизни.

«Я не могу, не могу! – говорила она себе, бросалась к зеркалу, видела пластырь на лице и сразу отходила, чтобы не видеть себя. – Может, еще не поздно пойти к нему? Что изменит этот крошечный пластырь?»

«Нет, нельзя! Нужно остаться дома!»

«Но это мой единственный шанс! Я должна крепко ухватиться за него. Все и так держится на мне одной, и у меня уже нет сил справляться с этим... Мы пытаемся кое-как, живем – кое-как! Бедный Степка... Убогая жизнь! И вдруг – Илья Алексеевич. Одно его существование – уже счастье для такой, как я. А возможность увидеться – роскошь, которой я, видимо, недостойна. Нет, достойна! Если кто и заслужил дружбу и внимание такого человека, так это я! Я! Я могла бы попытаться свое счастье, стать ему на миллиметр ближе... Теперь он будет относиться ко мне иначе, теперь я потеряю его доверие!»

– Лен, что с тобой происходит? – решился спросить Степа, напуганный странным поведением сестры.

– Ничего, ничего, Степка, ничего, – будто в забытии шептала Лена. – Иди, ложись спать.

Мальчик глянул на нее с недоверием, но ушел.

Лунь испытывала глубокую душевную травму. Ее лихорадило на протяжении всего времени, которое она потенциально могла провести в компании с Ильей Алексеевичем. Лишь к ночи девушка успокоилась и смогла уснуть, размышляя о том, как будет просить прощения у мужчины, которого любит, за поступок, в котором не виновата.

Глава 8. Притчи и тайны

«Все любви разные и только по несовершенству нашего языка различные чувства называются одним и тем же словом. А если любви на самом деле разные, то ни одна не должна мешать другой, уничтожать ее или порочить. Разве вы не имеете права любить клубнику, если вы любите стихи? Так почему же, черт возьми, мне запрещают любить любовницу, если я люблю жену, которой у меня еще не было и не будет?»

Н. Нароков «Могу!»

В последующие за этим событием две недели, в течение которых Лена не виделась с Ильей Алексеевичем, девушка погрузилась в глубокий душевный упадок. Она мало ела, потому что совсем не ощущала аппетита, мало и плохо спала, потому что бессонница стала частым гостем в ее постели, а сны, если и приходили, были похожи скорее на мучительный бред. Рана под глазом быстро стянулась, опухоль спала, шов сняли. Не присматриваясь, нельзя было заметить следов недавнего удара.

Так как Лене пришлось пропустить занятия, появились кое-какие проблемы, требующие высокой концентрации и внимания. Заниматься этим приходилось в основном по ночам, так что внешний вид и общее состояние девушки резко ухудшились.

– Ты случайно не заболела, Лунь? – переживала за подругу Полина. – Что это с тобой случилось? Ты выглядишь изможденной... В тебе словно жизни нет. Будто все силы высосали.

– Я очень устаю, – отмахивалась Лена.

На самом деле действительно не было никакой болезни, кроме неразделенной любви. От разлуки с Ильей девушка впала в апатию, не позволяющую ни на чем сосредоточиться. Больше всего на свете она хотела просто увидеть его заросшее доброе лицо. Это могло решить все ее проблемы. По крайней мере, ей так казалось.

«Удивительно, как я справлялась со всем этим раньше, не зная о его существовании. Откуда у меня были силы терпеть, не опускать руки, когда я

даже не предполагала, что есть на свете такой удивительный человек? Мир, в котором он живет, стоит того, чтобы за него цепляться».

Но вот, две недели спустя, в тот самый день, когда подруги обычно ходили в гости к Илье Алексеевичу, после занятий Полина сказала:

– Ох, кстати, Лунь! Чуть не забыла! Мне вчера вечером звонил Илья, звал к себе.

– Илья Алексеевич? Сегодня? – Лена не верила услышанному.

– Конечно! Сегодня же как раз тот самый день. Ты пойдешь?

– Д-да, естественно, почему бы нет? Ведь он ждет?

– Он ждет, еще как. Сказал, что соскучился.

– Мы давно у него не гостили, – кивнула Лена, а сама радовалась про себя. Ей казалось, что Илья Алексеевич соскучился только по ней, и эти слова были тайным посланием для нее одной.

Всю дорогу Полина болтала о посторонних вещах, а Лунь усердно делала вид, что слушает и даже участвует в обсуждении. Но, так как Поля, в своей обычной манере, говорила за двоих, ей было вполне комфортно, что подруга ее немногословна. Лена невпопад улыбалась, шагая на нетвердых ногах и думая о том, не заметит ли Илья Алексеевич следа на лице? А если заметит, то сделает ли вид, что не заметил? Всем существом своим она волновалась, как в первую их встречу. Но самое страшное началось, когда они вошли в уже знакомый двор, и Полина еще у ворот весело закричала:

– Илья! Это – мы!

«Господи», – пронеслось в голове у Лунь. Кишечник скрутило, ладони вспотели и стали холодными, а по ногам распространился «шум» испорченного телевизора – кожу покалывало. Полина понеслась к входной двери, как первоклассница после уроков, в то время как Лунь будто насильно переставляла ноги, вымученно улыбаясь. Все, что было у нее в голове, окончательно спуталось.

«Как я в глаза ему посмотрю?!»

Илья Алексеевич встречал их на пороге – высокий, статный, гладко выбритый и как всегда – улыбчивый и радушный.

– Ага, явились, гости дорогие, – весело проговорил он и осмотрел девушек, прищурившись. – Где пропадали? Забыли обо мне?

Лена ничего не могла с собой поделаться, но все слова, что он говорил, отныне воспринимала только на свой счет. Илья Алексеевич не выказывал и тени обиды, только был немного рассеян и задумчив в тот день, будто все время вспоминал, о чем же он мог позабыть?

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: [https://tellnovel.com/kupriyanova\\_mar-yana/lun](https://tellnovel.com/kupriyanova_mar-yana/lun)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)